I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 326–350. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

Ghambaryan A. S., Dallakyan L. G. *Teoretiko-pravovye osnovy zakonodatel'nykh perechney: ot kontseptsii k praktike primeneniya* [The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 326–350. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

УДК 340.13
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350

Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения

А. С. Гамбарян
Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Л. Г. Даллакян
Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am

Статья поступила в редакцию 30.04.2025

***Введение**: в статье анализируется и разрабатывается концепция закрытых (numerus clausus) и открытых (numerus apertus) законодательных перечней, являющихся важным инструментом законодательной техники. Каждому виду перечня свойственны особая структура и специальные языковые средства, которые явно либо имплицитно указывают на закрытый либо открытый характер списка соответственно. **Целью** работы является анализ особенностей и классификация видов законодательных перечней, а также изучение судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влечет за собой серьезные негативные последствия для правового регулирования. **В результате** научно-практического анализа осуществлена авторская классификация закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм и полноте перечисления (полные и неполные закрытые перечни), а также проведена классификация открытых перечней согласно различным способам перечисления элементов списка и применению конкретизирующих языковых средств (простые перечни и перечни конкретизирующего характера). Кроме того, посредством анализа законодательства и судебной практики выведено понятие симулякра закрытых перечней, создающего иллюзию исчерпывающего списка, а также выявлено соотношение numerus clausus и максимы expressio unius, являющейся широко используемым в зарубежной судебной практике правилом интерпретации. **Выводы:** дифференциации открытых и закрытых списков и их подвидов, размежевание открытых перечней и неполных закрытых перечней, выявление симулякров закрытых перечней способствуют более глубокому пониманию их функциональной роли в правовом регулировании. Критический анализ судебной практики, в частности изучение применения expressio unius, исследование особенностей «открытия» судами закрытых законодательных перечней посредством развития права, выявление различных подходов судов к истолкованию и коррекции списков позволяют прийти к выводу о сложности и многогранности категории «законодательный перечень» и необходимости систематизации специальных знаний о всех его аспектах.*

© Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

I. THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Information for citation:

Ghambaryan A. S., Dallakyan L. G. *Teoretiko-pravovye osnovy zakonodatel'nykh perechney: ot kontseptsii k praktike primeneniya* [The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 326–350. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 326–350. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

UDC 340.13
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350

The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application

S. Ghambaryan
Russian-Armenian (Slavonic) University
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

L. G. Dallakyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am

Received 30 Apr 2025

***Introduction:** the study analyzes and develops the concept of closed (numerus clausus) and open (numerus apertus) statutory lists, which are an important tool of legislative technique. Each type of lists is characterized by a special structure and special linguistic means that explicitly or implicitly indicate the closed or open nature of a list. **Purpose:** the article aims to analyze the types of statutory lists and provide a classification thereof, as well as to study judicial practice in their application. This is essential since a wrong choice of the type of list, errors in the technique of its formulation, or incorrect classification of a list by a law enforcer entails serious negative consequences for legal regulation. **Results:** the authors have developed a classification of closed lists according to their location in the elements of the structure of legal norms and to the completeness of the enumeration (complete and incomplete closed lists) as well as a classification of open lists according to various methods of enumerating their elements and the use of specifying language tools (simple lists and lists of a concretizing nature). In addition, through an analysis of legislation and judicial practice, the authors have derived the concept of a simulacrum of a closed list, which creates the illusion of an exhaustive list, and also have elucidated the relationship between 'numerus clauses' and the maxim 'expressio unius', which is a rule of interpretation widely used in foreign judicial practice. **Conclusions:** the differentiation of open and closed lists and their subtypes, the distinction made between open lists and incomplete closed lists, and the identification of simulacra of closed lists, all contribute to a deeper understanding of their functional role in legal regulation. A critical analysis of judicial practice, including the study of the application of 'expressio unius', the study of the 'opening' by courts of closed statutory lists through the development of law, the identification of different approaches of courts to the interpretation and correction of lists, indicates the complexity and multifaceted nature of the category of 'statutory list' and the need to systematize special knowledge about all its aspects.*

Keywords: 'classification of statutory lists; numerus clausus; numerus apertus; expressio unius; development of law contra legem; simulacrum of a closed statutory list; incomplete closed list; open statutory list with concretizing language means applied

© Ghambaryan A. S., Dallakyan L. G., 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Ключевые слова: классификация законодательных перечней; numerus clausus; numerus apertus; expressio unius; развитие права contra legem; симулякр закрытого законодательного перечня; неполный закрытый перечень; открытый законодательный перечень с применением конкретизирующих языковых средств

The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application

S. Ghambaryan
Russian-Armenian (Slavonic) University
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

L. G. Dallakyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am

Received 30 Apr 2025

Introduction: *the study analyzes and develops the concept of closed (numerus clausus) and open (numerus apertus) statutory lists, which are an important tool of legislative technique. Each type of lists is characterized by a special structure and special linguistic means that explicitly or implicitly indicate the closed or open nature of a list.* ***Purpose:*** *the article aims to analyze the types of statutory lists and provide a classification thereof, as well as to study judicial practice in their application. This is essential since a wrong choice of the type of list, errors in the technique of its formulation, or incorrect classification of a list by a law enforcer entails serious negative consequences for legal regulation.* ***Results:*** *the authors have developed a classification of closed lists according to their location in the elements of the structure of legal norms and to the completeness of the enumeration (complete and incomplete closed lists) as well as a classification of open lists according to various methods of enumerating their elements and the use of specifying language tools (simple lists and lists of a concretizing nature). In addition, through an analysis of legislation and judicial practice, the authors have derived the concept of a simulacrum of a closed list, which creates the illusion of an exhaustive list, and also have elucidated the relationship between 'numerus clauses' and the maxim 'expressio unius', which is a rule of interpretation widely used in foreign judicial practice.* ***Conclusions:*** *the differentiation of open and closed lists and their subtypes, the distinction made between open lists and incomplete closed lists, and the identification of simulacra of closed lists, all contribute to a deeper understanding of their functional role in legal regulation. A critical analysis of judicial practice, including the study of the application of 'expressio unius', the study of the 'opening' by courts of closed statutory lists through the development of law, the identification of different approaches of courts to the interpretation and correction of lists, indicates the complexity and multifaceted nature of the category of 'statutory list' and the need to systematize special knowledge about all its aspects.*

Keywords: 'classification of statutory lists; numerus clausus; numerus apertus; expressio unius; development of law contra legem; simulacrum of a closed statutory list; incomplete closed list; open statutory list with concretizing language means applied

Введение

В эпоху динамично изменяющегося и усложняющегося законодательства владение правотворческой техникой оформления законодательных перечней, а также обладание практическими навыками их толкования и применения приобретают особое значение и актуальность. Настоящая статья посвящена анализу особенностей формирования и классификации открытых и закрытых законодательных перечней, раскрытию их значения для правотворчества и правоприменительной деятельности, в том числе изучению судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влекут за собой серьезные негативные последствия для всего правового регулирования. Соответственно, объектом данного исследования являются законодательные перечни, которые выступают в качестве важного элемента законодательной техники и одновременно объекта правоприменительной деятельности, предметом исследования – проблемы формирования, толкования, применения и классификация их видов.

В ходе работы использованы историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования, системный анализ законодательства и доктринальных источников, методы дедукции, индукции и абстрагирования, а также эмпирический метод, примененный для анализа обширной судебной практики.

Таким образом, данная статья представляет собой комплексное исследование, результатом которого является разработка теоретических основ концепции закрытых *(numerus clausus)* и открытых *(numerus apertus)* законодательных перечней, выполненная с опорой на всесторонний анализ законодательного материала и проблем правоприменительной (судебной) практики, послуживших основой представленных теоретических положений.

Information in Russian

Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения

А. С. Гамбарян
Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Л. Г. Даллакян
Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am

Статья поступила в редакцию 30.04.2025

Введение*: в статье анализируется и разрабатывается концепция закрытых (numerus clausus) и открытых (numerus apertus) законодательных перечней, являющихся важным инструментом законодательной техники. Каждому виду перечня свойственны особая структура и специальные языковые средства, которые явно либо имплицитно указывают на закрытый либо открытый характер списка соответственно.* ***Целью*** *работы является анализ особенностей и классификация видов законодательных перечней, а также изучение судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влечет за собой серьезные негативные последствия для правового регулирования.* ***В результате*** *научно-практического анализа осуществлена авторская классификация закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм и полноте перечисления (полные и неполные закрытые перечни), а также проведена классификация открытых перечней согласно различным способам перечисления элементов списка и применению конкретизирующих языковых средств (простые перечни и перечни конкретизирующего характера). Кроме того, посредством анализа законодательства и судебной практики выведено понятие симулякра закрытых перечней, создающего иллюзию исчерпывающего списка, а также выявлено соотношение numerus clausus и максимы expressio unius, являющейся широко используемым в зарубежной судебной практике правилом интерпретации.* ***Выводы:*** *дифференциации открытых и закрытых списков и их подвидов, размежевание открытых перечней и неполных закрытых перечней, выявление симулякров закрытых перечней способствуют более глубокому пониманию их функциональной роли в правовом регулировании. Критический анализ судебной практики, в частности изучение применения expressio unius, исследование особенностей «открытия» судами закрытых законодательных перечней посредством развития права, выявление различных подходов судов к истолкованию и коррекции списков позволяют прийти к выводу о сложности и многогранности категории «законодательный перечень» и необходимости систематизации специальных знаний о всех его аспектах.*

Ключевые слова: классификация законодательных перечней; numerus clausus; numerus apertus; expressio unius; развитие права contra legem; симулякр закрытого законодательного перечня; неполный закрытый перечень; открытый законодательный перечень с применением конкретизирующих языковых средств

Introduction

In the era of dynamically changing and increasingly complicated legislation, it is particularly important to possess the lawmaking technique of drawing up statutory lists as well as the practical skills of their interpretation and application. The present paper analyzes the formation and classification of open and closed statutory lists, elucidates their significance for lawmaking and law enforcement activity, including through the study of judicial practice of their application. The wrong choice of the type of list, errors in the technique of its formulation, or incorrect classification of the list by a law enforcer entail serious negative consequences for the entire legal regulation. Accordingly, the object of this study are statutory lists, which act as an important element of legislative technique and, at the same time, the object of law enforcement activity; the subject of the study are the problems of the formation, interpretation, application, and classification of the types of lists.

The study employed a variety of methods of scientific research, including historical-legal and comparative-legal methods, system analysis of legislation and doctrinal sources, methods of deduction, induction, and abstraction, as well as empirical method of research, applied to analyze the extensive judicial practice.

Thus, this paper is a comprehensive study making an attempt to develop theoretical foundations of the concept of closed (*numerus clausus*) and open (*numerus apertus*) statutory lists basing on a comprehensive analysis of legislative material and problems of law-enforcement (judicial) practice that formed the basis for the presented theoretical provisions.

1. Общие положения о законодательных перечнях

1.1. Закрытые *(numerus clausus)* и открытые *(numerus apertus)* законодательные перечни

Законодательные перечни представляют собой системы, состоящие из элементов, имеющих юридическое значение, и бывают двух видов: закрытые и открытые.

Закрытый перечень технически завершается точкой, поставленной непосредственно после последнего из перечисляемых элементов, из чего следует, что перечисление является исчерпывающим, и правоприменитель, как правило, не может добавить другие элементы в этот список. Для обозначения того, что установленный законодательством перечень (список) является закрытым, или исчерпывающим, часто используется латинская формулировка *numerus clausus*, в которой слово *numerus* буквально означает «номер» или «число», а слово *clausus* – «ограниченный», соответственно *numerus clausus* переводится как «ограниченное количество».

Как показали исследования, сам термин *numerus clausus* возник в немецкой юридической литературе, в которой он применялся для описания вещных прав и в контексте того, что не только количество, но и содержание имущественных прав ограничено. Ученые отмечают, что «…применительно к вещному праву ранние упоминания термина “numerus clausus” появились в проекте Германского гражданского кодекса, разработанного Гирке (Von Gierke 1889), а также учебниках Ортманна (Örtmann 1899) и Хека (Heck 1930), где авторы ссылаются на “numerus clausus” для описания правила в немецком праве, согласно которому только законодательство, в частности Германский Гражданский кодекс, может определять, что является вещным правом и каким может быть содержание такого вещного права» [17, с. 5].

Противоположностью *numerus clausus* является термин *numerus apertus*, под которым подразумевается открытый перечень/список. Открытый перечень технически сформулирован таким образом, что после последнего элемента списка следует, к примеру, такая формулировка, как «и т. д.», из чего можно заключить, что список не является исчерпывающим и правоприменитель может добавлять в него другие элементы, аналогичные элементам списка.

В юриспруденции распространенным примером *numerus clausus* и *numerus apertus* является законодательная техника перечисления обстоятельств, отягчающих и смягчающих уголовную ответственность. Например, в уголовном законодательстве Армении обстоятельства, отягчающие ответственность, изложены в логике *numerus clausus*, а смягчающие обстоятельства – в логике *numerus apertus*.

Техника закрытого и открытого перечней имеет как преимущества, так и недостатки. Закрытый перечень наделен высокой степенью определенности, в результате чего усмотрение правоприменителя существенно ограничено и он, как правило, лишен возможности добавлять новые элементы в закрытый список. С другой стороны, закрытый перечень лишен гибкости, и правоприменитель не имеет возможности адаптировать закрытый перечень к меняющимся условиям. Внесение изменений либо дополнений в закрытый перечень в целом является прерогативой законодателя.

В отличие от закрытого, открытый перечень является более гибким, поскольку правоприменитель имеет возможность дополнить этот список новыми элементами с помощью соответствующих правил толкования. Вместе с тем открытый перечень не обладает высокой степенью определенности, что может привести к необоснованному расширению пределов усмотрения правоприменителя.

Для формулирования открытого перечня используются два основных способа перечисления: простое перечисление и перечисление конкретизирующего характера (с детализирующими элементами).

В случае простого перечисления список завершается формулировкой «и т. д.» или «другие случаи», из чего однозначно следует, что данное перечисление не является исчерпывающим. Например, согласно статье 8 Закона Республики Армения (далее – РА) «Фекламе» запрещается реклама, которая нарушает пристойность рекламы, а именно (среди прочего) прямо или косвенно порочит или выражает неуважение к государственным символам (гербу, флагу, гимну, валюте и т. д.)[1]. Указанный список государственных символов является *открытым*, то есть по смыслу закона государственными символами могут считаться, например, государственные награды и медали, в отношении которых, согласно логике открытого списка, действуют те же запреты.

В случае *перечисления конкретизирующего характера* список излагается с применением слов «в частности», «среди прочих», «например», «включая», при этом перечисление завершается не словами «и т. д.», а точкой. К примеру, в пункте 5 части 2 статьи 24 Закона РА «Ограждансте Республики А рмения»[2] указано, что заявление гражданина о выходе из гражданства РА отклоняется, если «<…> он имеет обязательства, предусмотренные Законами “Об обороне” и “О военной службе и статусе военнослужащего”, **в частности…**» (здесь и далее выделено нами. – *А. Г., Л. Д.*), после чего следует перечисление наиболее очевидных обязательств, которые служат основанием для отклонения заявления.

[1] О рекламе: Закон Республики Армения от 31 мая 1996 г. ՕՀ-55 // Бюллетень Нац. Собрания РА. 1996/10 (1110), ст. 120.
[2] О гражданстве: Закон Республики Армения от 6 нояб. 1995 г. Ն-061 // Бюллетень Нац. Собрания РА 1995/8.

1. General Provisions on Statutory Lists

1.1. Closed *(numerus clausus)* and open *(numerus apertus)* statutory lists

Statutory lists are systems composed of elements having legal significance, and they are grouped into two types: closed and open.

A closed list is technically terminated by a period placed immediately after the last element listed, which implies that the enumeration is exhaustive and law enforcers cannot, as a rule, add other elements to the list. To indicate that a statutory list is closed, or exhaustive, the Latin phrase *numerus clausus* is often used, in which the word *numerus* literally translates as ‘number’ and the word *clausus* in the given context means ‘limited’, so *numerus clausus* means ‘limited number’.

As studies have shown, the term *numerus clausus* itself originated in German legal literature, where it was used to describe rights in rem and the idea that not only the number but also the content of property rights is limited. Scholars have noted that ‘In relation to property law, early mentions of the term numerus clausus include Gierke’s design for a German civil code (Von Gierke 1889), as well as handbooks by Örtmann (Örtmann 1899) and Heck (Heck 1930). These authors refer to numerus clausus to describe a rule in German law that only legislation, especially the German Civil Code, can describe what is a property right and what the content of such a property right may be’ [17, p.5].

The opposite of *numerus clausus* is the term *numerus apertus*, which refers to an open list. An open list is technically formulated in such a way that the last item on the list is followed by a phrase such as ‘etc.’, suggesting that the list is not exhaustive and that law enforcers may add new items similar to other items on the list.

In jurisprudence, a common example of *numerus clausus* and *numerus apertus* is the legislative technique of listing the circumstances aggravating and mitigating criminal liability. For example, in the criminal legislation of Armenia, the circumstances aggravating responsibility are set forth in the logic of *numerus clausus*, while mitigating circumstances – in the logic of *numerus apertus.*

The technique of closed and open lists has both advantages and disadvantages. A closed list is endowed with a high degree of certainty, as a result of which the discretion of law enforcers is significantly limited, and they are usually deprived of the possibility to add new elements to closed lists. On the other hand, a closed list lacks flexibility, so law enforcers cannot adapt it to changing circumstances. It is generally the prerogative of legislators to amend or supplement closed lists.

In contrast to closed lists, open lists are more flexible as law enforcement officers have the possibility to supplement them with new elements by applying appropriate rules of interpretation. At the same time, an open list does not have a high degree of certainty, which may lead to an unreasonable expansion of law enforcers’ discretion.

Two main methods of enumeration are used to formulate an open list: simple enumeration and enumeration of a concretizing nature (with detailing elements).

In the case of simple enumeration, a list ends with ‘etc.’ or ‘other cases’, which clearly indicates that this enumeration is not exhaustive. For example, Article 8 of the Law of the Republic of Armenia ‘On Advertising’ prohibits advertising that violates the rules of decency, i.e., directly or indirectly defames or expresses disrespect to the state symbols (the coat of arms, flag, anthem, currency, etc.)[1]. The above list of state symbols is *open*, i.e., in the sense of the law state symbols may include, for example, state awards and medals, which, according to the logic of the open list, are subject to the same prohibitions.

In the case of *enumeration of a concretizing nature*, a list is set out using the words ‘inter alia’, ‘among others’, ‘for example’, ‘including’, with the enumeration ending not with ‘etc.’, but with a period. For example, according to Article 24(2)(5) of the Law of the Republic of Armenia ‘On Citizenship[2], a citizen's application for renouncing their citizenship of the Republic of Armenia shall be rejected if: ‘<…> he/she has obligations stipulated by the Laws ‘On Defense’ and ‘On Military Service and the Status of Military Personnel’, **including**…’ (hereinafter put in bold by us. – A. G., L. D.), followed by enumeration of the most obvious obligations that serve as grounds for rejecting the application.

[1] Law of the Republic of Armenia ‘On Advertising’ of May 31, 1996 ՕՀ-55. *Bulletin of the National Assembly of the Republic of Armenia*. 1996/10 (1110). Art. 120.
[2] Law of the Republic of Armenia ‘On Citizenship’ of November 6, 1995 Ն-061. *Bulletin of the National Assembly of the Republic of Armenia.* 1995/8.

Представленный пример наглядно показывает, что законодатель перечислил основания для отклонения заявления гражданина о выходе из гражданства посредством *открытого* перечисления с *конкретизирующими элементами* – с использованием слова «в частности», соответственно, указанные основания не являются исчерпывающими, из чего следует, что правоприменитель может счесть, что наличие других обязательств, предусмотренных в иных статьях Закона, также является основанием для отклонения заявления о выходе из гражданства. В данном случае правоприменитель с помощью правила толкования *analogia intra legem* должен определить, какая из многочисленных обязанностей, предусмотренных в Законах РА «Об обороне» и «О военной службе и статусе военнослужащего», может считаться основанием для отклонения заявления о выходе из гражданства.

Приведем другой пример: часть 1 статьи 62 Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве» изложена в следующей редакции[1]:

«Ничтожным является тот административный акт, в котором **, в частности,** имеются следующие очевидные грубые ошибки:

а) из акта четко не видно или не ясно однозначно, который административный орган его принял;

б) акт принят некомпетентным административным органом;

в) из акта не ясно, кому он определенно адресован, или не известно, какой вопрос он регулирует;

г) данным актом на его адресата возлагается очевидным образом неправомерная обязанность или ему предоставляется неправомерное право».

В данном случае перечисление очевидных грубых ошибок не завершается формулировкой «и т. д.» или «другие очевидные грубые ошибки», из чего на первый взгляд может сложиться впечатление, что этот перечень закрыт. Между тем об открытом характере рассматриваемого перечня свидетельствует тот факт, что законодатель технически изложил список этих ошибок посредством *открытого перечисления конкретизирующего характера*, с применением слова «в частности», то есть перечислил случаи наиболее очевидных грубых ошибок, что само по себе не исключает возможности, что в ходе правоприменения в данный перечень могут быть включены и иные случаи очевидных грубых ошибок. Так, принятие акта неуполномоченным административным органом включено в законодательный перечень очевидных грубых ошибок, однако фактическое принятие административного акта со стороны органа, который в смысле данного закона не является административным, в указанном перечне не предусмотрено. Однако теоретически возможна ситуация, когда сотрудник органа, не считающегося в институциональном или функциональном смысле административным, фактически осуществляет администрирование. Например, сотрудник образовательного комплекса Министерства внутренних дел РА (государственная некоммерческая организация) составляет на основании официального бланка административный акт о привлечении водителя к административной ответственности, в результате чего гражданин уплачивает штраф, который поступает в государственный бюджет. В данном случае очевидно, что образовательный комплекс Министерства внутренних дел РА не является административным органом, однако его сотрудник фактически осуществил администрирование. В этой ситуации мы имеем дело с очевидной грубой ошибкой, которая не включена в законодательный перечень в качестве основания для признания акта ничтожным. Тем не менее, поскольку данный законодательный перечень является открытым, правоприменитель может дополнить его новым элементом.

Что же касается включения новых элементов в открытые списки (как в простые, так и в списки с конкретизирующими языковыми средствами), то в обоих случаях для этого используется правило толкования *analogia intra legem* (в англосаксонских правовых системах это правило называется *ejusdem generis*[2] и *noscitur a sociis*[3]), согласно которому в открытый перечень могут быть добавлены элементы, аналогичные элементам, перечисленным в списке. Например, если в открытом законодательном списке перечислены «озера, реки, ручьи и другие водоемы», у правоприменителя возникает вопрос, позволяет ли формулировка «другие водоемы» включать в этот список, например, бассейны. В случае применения правила толкования *analogia intra legem* правоприменитель должен сделать вывод, что бассейн как искусственный водоем не может быть включен в этот список, поскольку озера, реки, ручьи, перечисленные в списке, являются естественными водоемами, а бассейн таковым не является [23; 28, с. 8391].

[1] Об основах администрирования и административном производстве: Закон Республики Армения от 18 февр. 2004 г. ՕՐ-41-Ն // Официальные Ведомости РА 2004.03.31/18(317), ст. 413.

[2] *Ejusdem generis* – одного и того же вида, класса или природы. При толковании законов, завещаний и других инструментов правило *ejusdem generis* заключается в том, что, когда за общими словами следует перечисление лиц или вещей, обозначенных словами конкретного и специального значения, такие общие слова не должны толковаться в их самом широком смысле, а должны считаться применяемыми только к лицам или вещам того же общего рода или класса, что и конкретно упомянутые [20, с. 608].

[3] *Noscitur a sociis* – познаётся по окружению (It is known from its associates). Значение слова известно или может быть известно из сопровождающих его слов. Доктрина означает, что общие и специальные слова связаны друг с другом и приобретают окраску, ограничивая общие слова смыслом, аналогичным менее общим [там же, с. 1209].

The presented example clearly shows that legislators have listed the grounds for rejection of a citizen's application for renunciation of citizenship by means of open enumeration with concretizing elements – using the word 'including'; accordingly, these grounds are not exhaustive, which implies that law enforcers may consider that the presence of other obligations provided for in other articles of the law is also a ground for rejection of the application for renunciation of citizenship. In this case, law enforcers should use the rule of interpretation *analogia intra legem* to determine which of the numerous obligations stipulated in the Laws of the Republic of Armenia 'On Defense' and 'On Military Service and the Status of Military Personnel' can be considered grounds for rejecting an application for renunciation of citizenship.

Let us look at another example. Part 1 of Article 62 of the Law of the Republic of Armenia 'On the Fundamentals of Administrative Action and Administrative Proceedings' is set forth as follows[1]:

'An administrative act shall be null and void if it contains, **inter alia,** the following obvious gross errors:

a) it is not clearly or unambiguously evident from the act which administrative body has adopted it;

b) the act has been adopted by an incompetent administrative body;

c) it is not clear from the act to whom it is expressly addressed or it is not known what issue it regulates;

d) the act imposes an obviously unlawful duty or entitles the addressee to an unlawful right'.

In this case, the enumeration of obvious gross errors does not end with the wording 'etc.' or 'other obvious gross errors', which, at first glance, may give the impression that the list is closed. Meanwhile, the open nature of the list in question is evidenced by the fact that the legislator technically set out the list of these errors through *open enumeration of a concretizing nature* with the use of the phrase 'inter alia', that is, listed cases of the most obvious gross errors, which in itself does not exclude the possibility that in the course of law enforcement this list may be supplemented with other cases of obvious gross errors. Here is an example. The adoption of an act by an unauthorized administrative body is included in the statutory list of obvious gross errors, but the actual adoption of an administrative act by a body that is not administrative in the sense of this law is not provided for in the list. However, it is theoretically possible that an employee of a body that is not considered administrative in the institutional or functional sense, performs administrative functions. For instance, an employee of the educational complex of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Armenia (a state non-profit organization) draws up an administrative act, on the basis of an official form, on bringing a driver to administrative responsibility, as a result of which the citizen pays a fine, which goes to the state budget. In this case it is obvious that the educational complex of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Armenia is not an administrative body, but its employee performed administrative actions. This situation is a clear example of an obvious gross mistake that is not included in the statutory list as a ground for recognizing an act as null and void. Nevertheless, since this statutory list is open, a law enforcer may supplement it with a new element.

As regards the inclusion of new elements in open lists (both simple and lists with concretizing language means), in both cases the rule of interpretation *analogia intra legem* is used (called *ejusdem generis*[2] and *noscitur a sociis*[3] in Anglo-Saxon legal systems), according to which an open list may be supplemented with elements similar to the elements listed therein. For example, if an open statutory list enumerates 'lakes, rivers, streams, and other water bodies', the question arises with the law enforcer whether the wording 'other water bodies' allows for the inclusion in the list of, for example, swimming pools. If the rule of interpretation *analogia intra legem* is applied, the law enforcer should conclude that a swimming pool as an artificial water body cannot be included in this list since lakes, rivers, streams listed in the list are natural water bodies, while a swimming pool is not such [23; 28, p. 8391].

[1] Law of the Republic of Armenia 'On the Fundamentals of Administrative Action and Administrative Proceedings' of February 18, 2004 ՕՐ-41-Ն. *Official Bulletin of the Republic of Armenia*. 2004.03.31/18(317). Art. 413.

[2] *Ejusdem generis* means of the same kind, class, or nature. In interpreting laws, wills, and other instruments, the 'ejusdem generis rule' is that where general words follow an enumeration of persons or things, by words of a particular and specific meaning, such general words are not to be construed in their widest extent, but are to be held as applying only to persons or things of the same general kind or class as those specifically mentioned [20, p. 608].

[3] Noscitur a sociis means 'It is known from its associates'. The meaning of a word is or may be known from the accompanying words. Under the doctrine of 'noscitur a sociis', the meaning of questionable or doubtful words or phrases in a statute may be ascertained by reference to the meaning of other words or phrases associated with it [20, p. 1209].

1.2. Области применения закрытых перечней *(numerus clausus)*

В юриспруденции выражение *numerus clausus* употребляется не только для указания на закрытый (исчерпывающий) характер законодательных перечней, но и в других целях, например, для указания квоты (количественного ограничения численности лиц), относящейся к какой-либо группе лиц, к примеру, для установления квот, выделенных для студентов вузов или заключенных. Так, Конституционный суд Германии в делах 1 BvL 32/70 и 1 BvL 25/71 (Постановление от 18 июня 1972 г.) рассмотрел конституционность квот, которые ограничивали свободу приема студентов в медицинские вузы (абсолютного *numerus clausus* мест для получения высшего образования в области медицины) в связи с нехваткой учебных мест по медицинским специальностям [5, с. 579–580]. Европейский суд по делу «Ананьев и другие против России» (Ananyev and Others v. Russia) в Постановлении от 10 января 2012 г. отметил: «<...> было бы целесообразно установить максимальную вместимость – *maximum capacity (numerus clausus)* для каждого следственного изолятора через определение пространства на каждого заключенного и возможное количество квадратных и, возможно, кубических метров <...>»[1]. В данном случае *numerus clausus* использовался в контексте ограничения максимального количества заключенных.

Тем не менее в юриспруденции *numerus clausus* чаще всего используется для обозначения того, что перечисление каких-либо элементов в положениях закона является закрытым, или исчерпывающим. Повторим, что суть его заключается в том, что законом устанавливается закрытый, или исчерпывающий, перечень элементов (обстоятельств), имеющих юридическое значение, из чего правоприменитель делает вывод, что он не правомочен делать предметом правовых операций какое-либо обстоятельство (элемент), не предусмотренное в этом перечне. При этом последний вывод делается на основе правила толкования *expressio unius* (об этом далее). Данное правило представляет собой предположение, что явное включение в текст закона определенных вещей подразумевает исключение других, не упомянутых в нем вещей [22, с. 87].

Ссылаясь в своих решениях на формулировку *numerus clausus*, суды РА обозначают ее как принцип. Однако, по нашему мнению, латинское выражение *numerus clausus*, обозначающее закрытый список или ограничение количества, не является принципом права, поскольку само по себе не несет никакой идеологической нагрузки. Это не фундаментальная идея, а формулировка, призванная обозначить ограничение количества элементов, включенных в список. Поэтому использование в судебных актах слова «принцип» наряду с формулировкой *numerus clausus* лишено юридического значения.

Отдельные авторы упоминают принцип «ограничение по типу (the type restriction)» наряду с формулировкой numerus clausus, но из их суждений трудно понять, как соотносятся «numerus clausus» и «ограничение по типу (the type restriction)» [27, с. 33–34]. Обе формулировки, по сути, выражают одно и то же значение, поскольку *numerus clausus* сам по себе содержит ограничение по типам объектов (элементов), предусмотренных в списке.

Административный суд Республики Армения (далее – РА) рассматривает *numerus clausus* как «количественное ограничение» (см., например, административное дело № ԴՎ/6004/05/22)[2], а уголовные суды РА –как закрытый список (см., например, уголовное дело № ԵԴՆ/0030/01/16)[3]. Подход уголовных судов РА к раскрытию сущности *numerus clausus* посредством применения формулировки «закрытый список» является более приемлемым, поскольку ограничение количества является одним из свойств закрытого списка, то есть если список является закрытым, то это означает, что количество элементов, перечисленных в списке, ограничено.

Суды РА ссылались на *numerus clausus* для характеристики закрытого характера следующих законодательных перечней:

1) исчерпывающий перечень видов доказательств в уголовном судопроизводстве (уголовное дело № ԵԴՆ/0030/01/16), упомянутый нами выше;

2) исчерпывающий перечень препаратов, полученных из конопли, определенных отдельными пунктами приложения 1 к Уголовному кодексу РА (уголовное дело № ՆԱԵ Դ/0095/01/17);[4]

3) исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих производство по делам об административных правонарушениях (административное дело № ԴՎ/6004/05/22), указанных выше;

4) исчерпывающий перечень промежуточных судебных актов административного суда РА, подлежащих обжалованию в апелляционном порядке (административное дело № ԴՎ /1073/05/19);[5]

[1] Case Ananyev and Others v.Russia Applications nos. 42525/07 and60800/08 . Strasbourg. 10 January 2012. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-108465%22.

[2] Решение Административного суда РА первой инстанции № ԴՎ/6004/05/22 от 4 авг. 2022 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[3] Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԴՆՀ/0030/01/16 от 2 окт. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[4] Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵՔԴՀ/0030/01/16 от 31 янв. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[5] Решение Апелляционного Административного суда № ԴՎ/1073/05/19 от 4 апр. 2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «DataLex».

1.2. Areas of application of closed lists (*numerus clausus*)

In jurisprudence, the expression *numerus clausus* is used not only to indicate the closed (exhaustive) nature of statutory lists but also for other purposes, for example, to indicate a quota (a quantitative limit on the number of persons) pertaining to a group of persons, for instance, to establish quotas for university students or prisoners. The German Constitutional Court in cases 1 BvL 32/70 and 1 BvL 25/71 (Ruling of June 18, 1972) considered the constitutionality of quotas that limited the freedom of admission of students to medical schools (an absolute *numerus clausus* of student places for higher education in medicine) due to the shortage of study places in medical specialties [5, pp. 579–580]. In the case of Ananyev and Others v. Russia, the European Court noted in its judgment of January 10, 2012: 'It would be appropriate to establish the maximum capacity (*numerous clausus*) for each remand prison through the definitions of space per inmate as a minimum of square and possibly cubic metres'.[1] In this case, *numerus clausus* was used in the context of limiting the maximum number of prisoners.

However, in jurisprudence *numerus clausus* is most often used to indicate that the enumeration of some elements in the provisions of the law is closed, or exhaustive. Let us repeat that its essence is as follows: the law establishes a closed, or exhaustive, list of elements (circumstances) having legal significance, from which a law enforcer concludes that he/she is not authorized to make a circumstance (element) not specified in this list the subject of legal operations. This conclusion is made on the basis of the rule of interpretation *expressio unius* (more on this below), which represents an assumption that explicit inclusion of certain things in the text of the law implies the exclusion of other things not mentioned in it [22, p. 87].

Referring to the phrase *numerus clausus* in their decisions, courts of the Republic of Armenia (hereinafter also referred to as the RA) label it as a principle. However, in our opinion, the Latin expression *numerus clausus*, denoting a closed list or limited number, is not a principle of law as it does not carry any ideological load. This is not a fundamental idea, but a formulation intended to indicate a limitation on the number of elements included in a list. Therefore, the use in judicial acts of the word 'principle' along with the expression *numerus clausus* lacks legal significance.

Some authors mention the 'type restriction' principle along with the expression *numerus clausus*, but from their judgments it is difficult to understand how *numerus clausus* and 'type restriction' relate [27, pp. 33–34]. Both formulations essentially convey the same meaning since *numerus clausus* itself contains restriction on the types of objects (elements) specified in a list.

The Administrative Court of the RA considers *numerus clausus* as a 'quantitative limitation' (see, for example, administrative case No. ԴՎ/6004/05/22)[2], while criminal courts of the RA consider it as a closed list (see, for example, criminal case No. ՆԱԵԴ/0030/01/16)[3]. The approach of the criminal courts of the RA to the essence of *numerus clausus* by applying the wording 'closed list' is more acceptable because the limitation on quantity is one of the properties of a closed list, i.e., if a list is closed, it means that the number of items listed in it is limited.

The courts of the RA referred to *numerus clausus* to characterize the closed nature of the following statutory lists:

1) the exhaustive list of types of evidence in criminal proceedings (criminal case No. ՆԱԵԴ/0030/01/16) mentioned above;

2) the exhaustive list of preparations derived from hemp, defined by separate paragraphs of Appendix 1 of the Criminal Code of the RA (criminal case № ՆԱԵԴ /0095/01/17);[4]

3) the exhaustive list of circumstances excluding proceedings on administrative offenses (administrative case No. ԴՎ/6004/05/22) mentioned above;

4) the exhaustive list of intermediate judicial acts of the Administrative Court of the RA subject to appeal (administrative case No. ԴՎ /1073/05/19);[5]

[1] Case Ananyev and Others v. Russia Applications Nos. 42525/07 and 60800/08. Strasbourg. 10 January 2012. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-108465%22.

[2] Decision of the Administrative Court of First Instance of the Republic of Armenia No. ԴՎ/6004/05/22 of August 4, 2022. Access from the legal reference system 'DataLex'.

[3] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԵՆԱԴ/0030/01/16 of October 2, 2017. Access from the legal reference system 'DataLex'.

[4] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԵՆԱԴ/0030/01/16 of January 31, 2017. Access from the legal reference system 'DataLex'.

[5] Decision of the Administrative Court of Appeal No. ԴՎ/1073/05/19 of April 4, 2019. Access from the legal reference system 'DataLex'.

5) исчерпывающий перечень строительных объектов или строительных работ, имеющих классификацию с низким уровнем риска, установленную в приложении к Постановлению Правительства РА от 19.03.2015 № 59-Н 6 (административное дело № ԴՎ/0204/05/23)[1].

Таким образом, установленный законом закрытый перечень представляет собой систему, состоящую из исчерпывающего перечисления элементов, имеющих юридическое значение, которая, выступая в качестве символа правового запрета, считает недопустимым выполнение юридически значимых операций с элементами, не предусмотренными в этом списке. Тем самым законодательный закрытый перечень как юридический символ содержит косвенный (имплицитный) запрет.

1.3. Закрытый законодательный перечень в контексте методов правового регулирования

Императивный метод правового регулирования формируется на основе доминирующего сочетания запретительного и обязывающего способов правового регулирования, а диспозитивный метод – на основе доминирования разрешительного (правоустанавливающего) способа. Содержание закрытого перечня может быть изложено как разрешающими, так и обязывающими или запрещающими способами правового регулирования, то есть этот список может содержать как разрешающие, так и обязывающие или запрещающие положения. Однако закрытый перечень сам по себе подразумевает использование императивного метода правового регулирования, поскольку, устанавливая закрытый перечень, законодатель имплицитно запрещает (исключает) возникновение каких-либо правовых последствий, связанных с другими элементами, не предусмотренными в перечне. Другими словами, закрытый перечень может эксплицитно содержать императивные нормы, устанавливающие обязанности и запреты, или диспозитивные нормы, закрепляющие права, при этом законодательный закрытый перечень сам по себе содержит имплицитный запрет, в соответствии с которым считается недопустимым совершать какие-либо юридические операции с элементами, не предусмотренными в перечне[2]. Например, Кассационный суд РА в Постановлении от 12 февраля 2010 г. отметил: «<...> УПК РА не предусматривает возможности обжалования решения о самоотводе в Апелляционном уголовном суде РА. Применяя известное правило толкования *expressio unius* согласно которому невключение элемента в исчерпывающий перечень следует толковать в смысле его исключения, Кассационный суд констатирует, что УПК РА устанавливает, что решения о самоотводе не подлежат обжалованию»[3].

Таким образом, Кассационный суд РА вывел запрет на обжалование решений о самоотводе из установленного Законом закрытого перечня судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Апелляционный суд РА, однако Суд не указал, что статья закона, предусматривающая закрытый перечень, эксплицитно содержит правовой запрет. Формулировки Кассационногосуда РА верны, поскольку закрытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, предусматривает не запрет, а право на обжалование. Другое дело, что из закрытого характера этого перечня вытекает имплицитный запрет на обжалование судебных актов, не предусмотренных в перечне.

Суды первой инстанции также выводят правовые запреты из закрытого перечня, но не указывают, что в этом перечне имеется эксплицитный правовой запрет на совершение действий с элементом, не предусмотренным в перечне. Например, в Решении от 19 марта 2013 г.[4] Суд первой инстанции РА отметил: «При изучении статьи 189 ГПК РА выясняется, что законодатель исчерпывающе перечислил подлежащие судебному рассмотрению дела об установлении фактов, в числе которых отсутствует компетенция по установлению факта рождения, поэтому необходимо применить известное правило толкования expressio unius, согласно которому невключение какого-либо элемента в исчерпывающий список следует толковать в смысле его исключения, то есть суть его заключается в том, что если какой-либо элемент не включен в закрытый перечень, то норма, устанавливающая перечисление, может **толковаться как закрепляющая запрет на данный элемент**»[5].

Как мы видим, Суд первой инстанции РА не указал, что в данной статье имеется правовой запрет, а вывел правовой запрет путем толкования нормы, устанавливающей исчерпывающий перечень.

В отличие от Кассационного суда РА и судов первой инстанции РА, Конституционный суд РА при определении конституционности закрытых перечней

[1] Решение Административного суда РА первой инстанции № ԴՎ/0204/05/23 от 11 окт. 2023 г [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «DataLex».

[2] Вышеизложенное не распространяется на ситуации, когда в случае законодательных закрытых перечней опровергается презумпция сознательного молчания законодателя и устанавливается, что непредусмотрение какого-либо элемента в закрытом перечне является результатом законодательной ошибки, однако это отдельная тема для обсуждения.

[3] Постановление Кассационного суда РА от 12 февр. 2010 г.№ ԵԴԿ /0547/06/09 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[4] Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԴԿ /2970/02/12 от 19 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[5] Гражданско-процессуальный кодекс Республики Армения 1998 .г (ՕՋ-247) // Бюллетень Нац. Собрания РА 1998.09.09/20(53). Утратил силу 09.04.2018.

5) the exhaustive list of construction objects or construction works with low-risk classification established in the Annex to the RA Government Decree No. 596-N of March 19, 2015 (administrative case No. ԴՎ/0204/05/23)[1].

Thus, a closed list established by the law is a system that consists of an exhaustive enumeration of elements having legal significance and, acting as a symbol of legal prohibition, considers it inadmissible to perform legally significant operations with elements not specified in this list. Therefore, a statutory closed list as a legal symbol contains an indirect (implicit) prohibition.

1.3. A closed statutory list in the context of legal regulation methods

The imperative method of legal regulation is formed on the basis of a dominating combination of prohibitive and binding methods of legal regulation, while the dispositive method is based on the dominance of the permissive (entitling) method. The content of a closed list can be set forth by both permissive and binding or prohibitive methods of legal regulation, i.e., this list can contain both permissive and binding or prohibitive provisions. However, a closed list itself implies the use of the imperative method of legal regulation because, by establishing a closed list, the legislator implicitly prohibits (excludes) the occurrence of any legal consequences associated with elements not specified in the list. In other words, a closed list may explicitly contain imperative norms, establishing obligations and prohibitions, or dispositive norms, establishing rights, while a statutory closed list itself contains an implicit prohibition according to which it is considered inadmissible to perform any legal operations with elements not specified in the list[2]. For example, the Court of Cassation of the RA in its ruling of February 12, 2010 noted: ‘<...> the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia does not provide for the possibility of appealing against the decision on recusal in the Criminal Court of Appeal of the Republic of Armenia. Applying the well-known rule of interpretation *expressio unius*, according to which the non-inclusion of an element in an exhaustive list should be interpreted in the sense of its exclusion, the Court of Cassation states that the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia establishes that decisions on recusal are not subject to appeal’[3].

Thus, the RA Court of Cassation deduced the prohibition on appeal against decisions on recusal from the legislatively established closed list of judicial acts subject to direct appeal to the RA Court of Appeal, but the Court did not indicate that the article of the law providing for the closed list explicitly contains a legal prohibition. The wording of the RA Court of Cassation is correct as the closed list of judicial acts subject to appeal does not provide for a prohibition, but for the right to appeal. It is another matter that the closed nature of this list results in an implicit prohibition to appeal against judicial acts not specified in the list.

Courts of first instance also deduce legal prohibitions from the closed list, but do not indicate that this list contains an explicit legal prohibition to perform actions with an element not specified in the list. For example, in its Decision of March 19, 2013[4], the court of first instance noted: ‘When studying Article 189 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia, it becomes clear that the legislator has exhaustively enumerated the fact-establishing cases subject to judicial consideration, among which there is no competence to establish the fact of birth, therefore, it is necessary to apply the well-known rule of interpretation *expressio unius*, according to which the non-inclusion of any element in an exhaustive list should be interpreted in the sense of its exclusion, i.e., its essence is that if an element is not included in a closed list, the norm establishing the enumeration can **be interpreted as prohibiting this element**’[5].

As we can see, the court of first instance did not indicate that there was a legal prohibition in this article, but rather derived a legal prohibition by interpreting the provision establishing an exhaustive list.

Unlike the Cassation Court of the RA and the courts of first instance of the RA, when determining the constitutionality of closed lists, the Constitutional Court of

[1] Decision of the Administrative Court of First Instance of the Republic of Armenia No. ԴՎ/0204/05/23 of October 11, 2023. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

[2] The foregoing does not extend to situations where, in the case of statutory closed lists, the presumption of deliberate silen ce on the part of the legislature is rebutted and it is established that the failure to include a n item on a closed list is the result of a legislative error, but that is a separate topic for discussion.

[3] Decision of the Court of Cassation of the Republic of Armenia No. ԵԴԿ/0547/06/09 of February 12, 2010. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

[4] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԵԴԿ/2970/02/12 of March 19, 2013. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

[5] Civil Procedure Code of the Republic of Armenia 1998 (ՕՋ-247). *Bulletin of the National Assembly of the Republic of Armenia.* 1998.09.09/20(53). Ceased to be in force on April 9, 2018.

формулирует свою позицию так, как будто в статье закона, предусматривающей закрытый перечень, прямо содержится запрет на совершение юридических операций с элементами, не предусмотренными в перечне. Так, в части 2 статьи 401 УПК РА[1] установлен исчерпывающий перечень судебных актов, подлежащих исключительному пересмотру, в котором окончательный судебный акт о применении меры пресечения не предусмотрен (речь идет об исключительном порядке пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам). Конституционный суд РА в Постановлении ԴՍ-Ո1 736 от 4 июня 2024г. рассмотрел вопрос конституционности невключения окончательного судебного акта о применении меры пресечения в этот закрытый перечень и сформулировал свои суждения в постановлении так, словно в части 2 статьи 401 УПК РА прямо установлен правовой запрет: « **Существование запрета**, установленного частью 2 статьи 401 УПК РА, лишает смысла в некоторых случаях подачу индивидуальных жалоб в Конституционный суд, поскольку решение, выносимое Конституционным судом, фактически, не может быть предпосылкой для пересмотра окончательного судебного акта по конкретному делу <...>. Более того, при наличии **этого запрета** в некоторых случаях не создается возможности для восстановления и защиты нарушенных прав и свобод человека»[2].

Как мы видим, Конституционный суд РА прямо указывает на запрет, предусмотренный частью 2 статьи 401 УПК РА, хотя в данной статье не указано прямого (эксплицитного) запрета. Другое дело, что из установленного законом закрытого перечня судебных актов, подлежащих исключительному пересмотру, вытекает косвенный (имплицитный) запрет на пересмотр судебных актов, не представленных в этом перечне.

Законодатель, предусматривая закрытые перечни в сфере частного права, также использует императивный метод правового регулирования. Хотя по этому вопросу среди специалистов частного права существуют споры, распространенным является подход, согласно которому если в законе установлен закрытый перечень гражданских прав [27, с.32], например вещных прав, или закрытый перечень форм собственности [21], то стороны не могут создавать новые права или новую форму собственности. Это может сделать только законодатель.

Специалисты по гражданскому праву отмечают, что установление закрытого перечня свойственно императивному методу правового регулирования, и объясняют это публичным интересом, поскольку вещные права должны признаваться не только сторонами, но и всеми, поэтому законом устанавливаются императивные нормы, где возможность свободы ограничена: «В определенной степени цель ограничения по типу и причина его установления могут быть охарактеризованы как желание законодателя наложить определенные ограничения на собственника вещи, чтобы собственник не мог зайти слишком далеко в обременении вещным правом принадлежащей ему собственности» [27, с. 33–34].

Тем не менее в теории частного права отмечается, что в соответствии с социально-экономическим развитием общества на практике из *numerus clausus* делается множество исключений и предлагается смягчить императивный характер регулирования вещных прав [1, с. 46].

Отдельные российские специалисты указывают, что в случае закрытого законодательного перечня конкретных вещных прав наличествует сочетание императивных и диспозитивных методов регулирования: «Применительно к нормативному закреплению четкого перечня вещных прав значение numerus clausus состоит в сочетании имплицитного запрета на создание не поименованных законом видов субъективных прав соглашением сторон, что характерно для правонаделения как императивной черты метода регулирования гражданских правоотношений, и свободы субъектов гражданских прав по своему усмотрению создавать регламентированные законом виды субъективных прав, что соответствует дозволению как черте диспозитивного метода гражданско-правового регулирования» [11, с. 144]. В этой цитате речь идет о перечне вещных прав, но важно то, что автор упоминает об эксплицитном запрете, вытекающем из закрытого перечня.

Учредительная власть, устанавливая конституционные закрытые перечни, может регулировать определенные отношения с помощью императивного метода. В этом случае конституционный закрытый перечень становится критерием определения конституционности законов. Например, Конституцией РА 1995 года был предусмотрен закрытый список субъектов, имеющих полномочия на законодательную инициативу (депутаты и правительство РА), в то время как в действовавшем в тот период Законе РА «Отелевидении и радио» было указано, что Устав Общественной телерадиокомпании утверждается Национальным Собранием РА, а полномочия по разработке Устава Общественной телерадиокомпании и представлению его на рассмотрение в Национальное Собрание РА были возложены на руководящий орган Общественной телерадиокомпании – Совет общественной телерадиокомпании[3]. Эти законодательные положения были истолкованы таким образом, что Национальное Собрание РА утверждает Устав Общественной

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. ՕՀ-306-Ն. URL: https://www.arlis.am/.
[2] Постановление Конституционного суда Республики Армения ՍՈՂ-1736 от 4 июня2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.
[3] О телевидении и радио: Закон Республики Армения от 18 нояб. 2000 г. ՕՀ-97 // Официальные ведомости РА. 2000.11.18/27 (125).

the RA formulates its position as if the article of the law establishing a closed list directly prohibits legal transactions involving elements not included in the list. For example, Part 2 of Article 401 of the Code of Criminal Procedure of the RA[1] establishes an exhaustive list of judicial acts subject to exclusive review, which does not include the final judicial act on the application of pre-trial restrictions (this provision deals with the procedure for exclusive review on the basis of new and newly discovered circumstances). In its ruling ՍՈՂ-1736 of June 4, 2024, the Constitutional Court of the RA considered the constitutionality of non-inclusion in this closed list of the final judicial act on the application of pre-trial restrictions and formulated its opinion in the ruling as if Part 2 of Article 401 of the RA Criminal Procedure Code directly established a legal prohibition: '**The existence of the prohibition** established by Part 2 of Article 401 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia renders pointless in some cases the filing of individual complaints with the Constitutional Court since a decision rendered by the Constitutional Court cannot be a prerequisite for the review of the final judicial act in a specific case <...>. Moreover, in the presence of **this prohibition**, in some cases it is not possible to restore and protect violated human rights and freedoms'[2].

As we can see, the Constitutional Court of the RA directly refers to the prohibition provided for in Part 2 of Article 401 of the Criminal Procedure Code of the RA although this article does not establish a direct (explicit) prohibition. However, the closed list of judicial acts subject to exclusive review established by law implies an indirect (implicit) prohibition on the review of judicial acts not included in this list.

When establishing closed lists in the field of private law, the legislator also uses the imperative method of legal regulation. Although there is some debate on this issue among private law experts, the prevailing view is that if the law establishes a closed list of civil rights [27, p. 32], such as property rights, or a closed list of the forms of ownership [21], the parties cannot create new rights or new forms of ownership. Only the legislator can do so.

Civil law experts note that the establishment of a closed list is characteristic of the imperative method of legal regulation and explain this by public interest, since property rights must be recognized not only by the parties, but by everyone, which is why the law establishes mandatory rules where the possibility of freedom is limited: 'To a certain extent, the purpose of restriction by type and the reason for its establishment can be characterized as the legislator's desire to impose certain restrictions on the owner of a thing so that the owner could not go too far in encumbering the property belonging to him with a right in rem' [27, pp. 33–34].

Nevertheless, it is noted in private law theory that, in line with the socio-economic development of society, numerous exceptions are made to *numerus clausus* in practice, and it is proposed to soften the imperative nature of the regulation of property rights [1, p. 46].

Some Russian experts note that in the case of a closed statutory list of specific property rights, there is a combination of imperative and dispositive methods of regulation: 'With regard to the normative establishment of a clear list of property rights, the significance of *numerous clausus* lies in the combination of an implicit prohibition on the creation of types of rights not specified by law through agreement between the parties, which is characteristic of the granting of rights as an imperative feature of the method of regulating civil legal relations, and the freedom of subjects of civil rights to create types of rights regulated by law at their own discretion, which corresponds to permissibility as a feature of the dispositive method of civil law regulation' [11, p. 144]. This quote refers to a list of property rights, but what is important here is that the author mentions an explicit prohibition arising from the closed list.

Constitutional closed lists are a means of regulating certain relations by means of the imperative method. In this case, a constitutional closed list becomes a criterion for determining the constitutionality of laws. For example, the 1995 Constitution of the Republic of Armenia provided a closed list of those empowered with legislative initiative (parliament members and the government of the Republic of Armenia), while in the Law of the Republic of Armenia 'On Television and Radio' in force at the time it was stated that the Charter of the Public Television and Radio Company was approved by the National Assembly of the Republic of Armenia, and the powers to develop the Charter of the Public Television and Radio Company and to submit it for consideration to the National Assembly of the Republic of Armenia were vested in the governing body of the Public

[1] Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia of June 30, 2021 ՕՀ-306-Ն. Available at: https://www.arlis.am.
[2] Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia ՍՈՂ-1736 of June 4, 2024. Access from the legal information system 'Arlis'.

телерадиокомпании посредством принятия закона, следовательно, представление Устава в Национальное Собрание РА на рассмотрение, по сути, считалось осуществлением полномочий законодательной инициативы. В связи с этим Конституционный суд РА в Постановлении ՍԴՈ-278 от 11 января 2001 г. отметил: «Статьей 75 Конституции РА предусмотрен исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право законодательной инициативы в Национальном Собрании, и по закону другие органы не могут быть уполномочены представлять в законодательный орган проекты правовых актов, которые становятся предметом рассмотрения в соответствии с процедурой принятия закона и нормы которых должны получить юридическую силу нормы закона»[1].

На этом основании Конституционный суд РА постановил, что положение Закона РА «О теле видении и радио», согласно которому «Совет разрабатывает и представляет в Национальное Собрание Устав Общественной телерадиокомпании», не соответствует требованиям части первой статьи 75 Конституции РА, то есть закрытому перечню органов, имеющих полномочия на законодательную инициативу.

Статья 75 Конституции РА 1995 года предусматривала уполномочивающую норму, однако посредством закрепления закрытого перечня субъектов законодательной инициативы Учредительная власть урегулировала право законодательной инициативы императивным методом.

Таким образом, в общетеоретической плоскости можно отметить, что, прибегая к технике закрытого перечня *(numerus clausus)*, законодатель желает урегулировать данные отношения императивным методом, то есть имплицитно запрещает делать предметом юридических операций элементы, не предусмотренные перечнем. В этом случае для определения метода правового регулирования не имеет значения, содержит ли законодательный закрытый перечень уполномочивающие, запрещающие или обязывающие нормы.

1.4. Возможность расширительного толкования нормы, устанавливающей закрытый перечень

Являются ли законодательные нормы, устанав ливающие закрытый перечень, объектом расширительного толкования? Другими словами, может ли правоприменитель добавить новый элемент в-за крытый перечень посредством расширительного толкования? Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо уточнить следующее обстоятельство. Вопрос о расширительном толковании нормы, предусматривающей закрытый перечень, необходимо отличать от толкования разрешающих, запре щающих или обязывающих норм, составляющих содержание закрытого перечня, или элементов гипотезы, присутствующих в перечне. Вне сомнений, положения, составляющие элементы закрытого перечня (их содержание), подлежат толкованию, причем посредством толкования выявляются системные связи между основной нормой, определяющей неполный закрытый перечень, и нормой, определяющей иные элементы этого перечня.

Вернемся к первоначальному вопросу, ответом на который выступает следующий тезис: норма, предусматривающая закрытый перечень, не явля ется объектом расширительного толкования.

Во-первых, закрытый перечень в той мере, в какой речь идет о том, предусмотрен ли тот или иной элемент в закрытом списке, сам по себе не нуждается в расширительном или ограничительном толковании, поскольку исчерпывающий список (перечисление элементов) в силу своей структуры и формы уже является определенным, поэтому изначально ясно, предусмотрен ли тот или иной элемент в закрытом перечне или нет.

Во-вторых, если в закрытом перечне в конкретной ситуации исключается наличие законодательного пробела, то можно предположить, что законодатель, формулируя норму с использованием техники закрытого перечня и не предусматривая в этом перечне иных элементов, сознательно не хотел подвергать регулированию элементы, не предусмотренные в перечне (в случае закрытых списков соотношение законодательного пробела и намеренного молчания законодателя является предметом отдельного обсуждения).

Если правоприменитель сужает законодательный закрытый перечень или добавляет в него перечень новые элементы, не предусмотренные законом, то он не толкует норму ограничительно или расширительно, а противоречитой норме, которая предусматривает закрытый список, и осуществляет развитие права *contra legem*, в результате чего-либо отказывается от применения элемента, содержащегося в закрытом перечне (негативное развитие права *contra legem*), либо добавляет в закрытый перечень новый элемент (позитивное развитие права *contra legem*).

Чтобы замаскировать то, что принятое решение о добавлении в закрытый перечень нового элемента является, по сути, развитием права *contra legem*, суды РА предпочитают преподносить свое решение об «открытии» закрытого перечня как результат расширительного толкования нормы, предусматривающей этот закрытый перечень. Так, Кассационный суд РА Постановлением от 28 ноября 2024 по делу № ԿՀԴ/0044/15/24[2] дополнил установленный статьей 389 УПК РА исчерпывающий перечень подлежащих обжалованию судебных актов новым

[1] Постановление Конституционного суда РА ՍԴՈ-278 от 11 янв. 2001 г. [Электронный ресурс].Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

[2] Постановление Кассационного суда РА от 28 нояб. 2024 г. № ԿՀԴ/0044/15/24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ правовой системы DataLex.

Television and Radio Company – the Council of the Public Television and Radio Company[1]. These legislative provisions were interpreted as meaning that the National Assembly of the RA approves the Charter of the Public Television and Radio Company by adopting a law, and therefore, the submission of the Charter to the National Assembly of the RA for consideration was, in essence, considered to be the exercise of legislative initiative. In this regard, in its Ruling ՀՍՈ-278 of January 11, 2001, the Constitutional Court of the RA noted: 'Article 75 of the Constitution of the Republic of Armenia provides an exhaustive list of those entitled to legislative initiative in the National Assembly, and, according to the law, other bodies cannot be authorized to submit to the legislative body draft legal acts that become subject to consideration in accordance with the procedure for the adoption of laws and whose provisions must acquire the force of law'[2].

On this basis, the Constitutional Court of the Republic of Armenia ruled that the provision of the Law 'On Television and Radio', according to which 'the Council shall develop and submit to the National Assembly the Charter of the Public Television and Radio Company', does not comply with the requirements of Part 1 of Article 75 of the Constitution of the Republic of Armenia, i.e., with the closed list of bodies with legislative initiative.

Article 75 of the 1995 Constitution of the Republic of Armenia contained an authorizing provision, but, by establishing a closed list of entities with legislative initiative, the constituent power regulated the right of legislative initiative by means of the imperative method.

Thus, in general terms, it can be noted that by employing the technique of a closed list (*numerous clausus*), the legislator wishes to regulate these relations by means of the imperative method, i.e., implicitly prohibits elements not specified in the list from being the subject of legal transactions. In this case, for determining the method of legal regulation it is irrelevant whether the closed list contains authorizing, prohibiting, or binding norms.

1.4. The possibility of broad interpretation of provisions establishing an exhaustive list

Are legislative provisions establishing an exhaustive list subject to broad interpretation? In other words, can a law enforcement official add a new item to an exhaustive list by way of broad interpretation? Before moving on to these issues, it is necessary to clarify the following circumstance. The question of the broad interpretation of a rule providing a closed list must be distinguished from the interpretation of permissive, prohibitive, or binding rules constituting the content of a closed list, or elements of the hypothesis present in the list. There is no doubt that the provisions constituting the elements of a closed list (their content) are subject to interpretation, whereby interpretation reveals systemic links between the basic rule defining the incomplete closed list and the rule defining other elements of that list.

Let us return to the original question, the answer to which is the following thesis: a norm providing a closed list is not subject to broad interpretation.

First, a closed list (insofar as the question is whether a particular element is included in the closed list) does not in itself require broad or restrictive interpretation since an exhaustive list (enumeration of elements) is, by its very structure and form, definite, so it is initially clear whether a particular element is included in the closed list or not.

Second, if a closed list excludes the possibility of a legislative gap in a specific situation, it can be assumed that the legislator, by formu lating the norm using the technique of a closed list and not specifying other elements in this list, deliberately did not want to subject elements not provided in the list to regulation (in the case of closed lists, the distinction between a legislative ga p and deliberate silence of the legislator is the subject of a separate discussion).

If a law enforcer narrows down a closed statutory list or adds new elements to it, these not indicated in the law, he/she does not interpret the rule in a narrow or broad way, but goes against the rule that establishes the closed list and thus develops law *contra legem*, which means that he/she either does not apply an element included in the closed list (negative development of law *contra legem*) or adds a new element to the closed list (positive development of law *contra legem*).

In order to disguise the fact that their decision to add a new element to a closed list is, in essence, a development of law *contra legem*, courts of the RA prefer to present their decisions on the 'opening' of closed lists as the result of a broad interpretation of the provision establishing this closed list. For example, in its Resolution of November 28, 2024 in case No. ՀԿԴ/0044/15/24[3] the Court of Cassation of the RA supplemented the exhaustive list of judicial acts subject to appeal as established by Article 389 of the RA Criminal Procedure Code with a new

[1] Law of the Republic of Armenia 'On Television and Radio' ՕՀ-97 of November 18, 2000. *Official Bulletin of the Republic of Armenia*. 2000.11.18/27 (125).

[2] Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. ՈԴU-278 of January 11, 2001. Available from the legal information system 'Arlis'.

[3] Resolution of the Cassation Court of the Republic of Armenia No. ԴՀՀ/0044/15/24 of November 28, 2024. Access from the legal reference system 'DataLex'.

судебным актом, не предусмотренным в перечне, – Определением суда первой инстанции об отказе в возбуждении производства по делу в связи с ходатайством частного участника процесса о снятии ареста с имущества (для краткости назовем это решение судебным актом «X»).

В указанном деле Кассационный суд РА не согласился с Апелляционным судом РА, который оставил жалобу без рассмотрения по причине того, что судебный акт «X» не входит в перечень судебных актов, подлежащих пересмотру в особом порядке. Кассационный суд в своем Постановлении указал: «Апелляционный суд РА, исключив возможность обжалования решения Суда первой инстанции в порядке особого пересмотра, подверг **ограничительному толкованию положения**, предусмотренные статьей 389 УПК РА <...>, необоснованным является вывод Апелляционного суда РА о том, что решение Суда первой инстанции не подлежит обжалованию, поскольку оно не предусмотрено статьей 389 УПК РА <...> Апелляционный суд РА <...> неверно истолковал положения, предусмотренные статьей 389 УПК РА <...>».

В вышеупомянутом случае Кассационный суд РА, по сути, решил вопрос правильно, однако стратегия его аргументации является спорной. Так, Кассационный суд РА сделал статью 389 Кодекса (которая содержала перечень судебных актов, подлежащих обжалованию) объектом толкования, а затем отметил, что Апелляционный суд РА «неправильно» истолковал положение о закрытом перечне, поскольку подверг его ограничительному толкованию.

Кассационный суд РА использовал и другие формулировки, вызывающие вопросы, например: «<...> вывод Апелляционного суда РА о том, что судебный акт "X" не подлежит обжалованию, является необоснованным». Из данной формулировки, на первый взгляд, складывается впечатление, что Кассационный суд РА поставил под сомнение тот факт, что с точки зрения закона судебный акт «X» не подлежит обжалованию (то есть не предусмотрен закрытым перечнем). Между тем бесспорно, что судебный акт «X» действительно не предусмотрен в закрытом законодательном перечне судебных актов, подлежащих обжалованию, следовательно бесспорно и то, что с точки зрения законодательства судебный акт «X» не подлежит непосредственному обжалованию.

В рассматриваемом случае Кассационный суд РА не истолковал расширительно норму, содержащую закрытый перечень, а, по сути, выступил против законодательного закрытого перечня и «открыл» его, иными словами, восполнил существующий в списке пробел. Кассационный суд РА по этому делу в целом принял правильное решение, поскольку невключение судебного акта «X» в список судебных актов, подлежащих обжалованию, уязвимо с точки зрения ряда принципов уголовного процесса, однако методология исправления этой ситуации заключается не в расширительном толковании закрытого перечня, а в применении к законодательному закрытому перечню доктрины развития уголовно-процессуального права *contra legem* или *extra legem*.

2. Максима *Expressio unius est exclusio alterius* в контексте закрытых перечней

2.1. Общие положения

Как уже упоминалось выше, *Expressio unius est exclusio alterius* – это известное латинское изречение (maxima), получившее широкое распространение в юридической практике и в дословном переводе означающее: «Выражение одной вещи исключает другие вещи» [30, с. 853]. Рассматриваемая максима работает посредством так называемого отрицательного вывода: если закон явно упоминает определенные категории, это подразумевает, что те категории, которые прямо в законе не упомянуты, намеренно исключены законодателем из текста закона. Соответственно, данная максима состоит в логической и содержательной связи с закрытым перечнем *numerus clauses*, так как оба указанных правовых инструмента могут применяться для достижения схожих или общих целей, что будет рассмотрено ниже, но прежде считаем необходимым проанализировать особенности данной юридической максимы.

Если обратиться к встречающемуся в иностранной юридической литературе описанию сути этой максимы, то можно обнаружить, что, к примеру, оксфордское издание «Руководство по латыни в международном праве» называет *expressio unius* каноном толкования и определяет данное правило так: «Явное указание одного является исключением другого» [16]. Согласно общему смыслу пояснений, изложенных в «Руководстве», обоснование, лежащее в основе *expressio unius*, заключается в том, что прямое включение предмета в нормативный текст указывает на то, что составители знали о наличии иных предметов и вопросов и решили намеренно их исключить. В качестве иллюстрации того, как *expressio unius* работает на практике, приводится международный договор, в котором установлено, что гражданские суда проходят через территориальные воды другого государства без уведомления, из чего следует, что на военные суда данное правило не распространяется и требуется соответствующее уведомление до того, как иностранный военный корабль войдет в территориальные воды, поскольку квалификация «без уведомления» была явной для гражданских судов, но не упоминалась в отношении военных судов.

На первый взгляд, рассматриваемое латинское изречение воспринимается как одна из тех максим, которые используются для построения юридической аргументации, однако в англо-американской традиции, где данная максима получила наибольшее распространение, ее чаще называют не максимой, а *правилом толкования*,

judicial act not specified in the list – a ruling of the court of first instance refusing to initiate proceedings in connection with a private party's request to lift the seizure of property (for brevity, we will further refer to this decision as judicial act X).

In the case in question, the Court of Cassation disagreed with the Court of Appeal that had dismissed the appeal on the grounds that judicial act X was not included in the list of judicial acts subject to review under a special procedure. The Court of Cassation stated in its resolution: 'By excluding the possibility of appealing against the decision of the court of first instance under a special review procedure, the Court of Appeal of the Republic of Armenia subjected the provisions of Article 389 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia to **restrictive interpretation** <…>, the conclusion of the Court of Appeal of the Republic of Armenia that the decision of the court of first instance is not subject to appeal because it is not specified in Article 389 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia is unfounded <…>. The Court of Appeal of the Republic of Armenia <…> misinterpreted the provisions of Article 389 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia <…>'.

In the above-mentioned case, the Court of Cassation essentially decided the issue correctly, but the strategy of its reasoning appears to be controversial. The Court made Article 389 of the Code (which contained a list of judicial acts subject to appeal) the subject of interpretation and then noted that the Court of Appeal had 'incorrectly' interpreted the provision on the closed list because it had subjected it to a restrictive interpretation.

The Court of Cassation of the RA also used other questionable wordings. For example, it stated that: '<...> the conclusion of the Court of Appeal of the Republic of Armenia that judicial act X is not subject to appeal is unfounded'. At first glance, this wording gives the impression that the Court of Cassation questioned the fact that, from a legal point of view, judicial act X is not subject to appeal (i.e., it is not included in the closed list). Meanwhile, it is indisputable that judicial act X is not included in the closed statutory list of judicial acts subject to appeal, and therefore it is also indisputable that, from a legal point of view, judicial act X is not subject to direct appeal.

In the case under consideration, the Court of Cassation of the RA did not interpret the provision containing the closed list in a broad way, but, in essence, 'acted against' the statutory closed list and 'opened' it, or, in other words, filled a gap in the list. In essence, the Court of Cassation made the right decision in this case since the non-inclusion of judicial act X in the list of judicial acts subject to appeal is vulnerable from the point of view of a number of principles of criminal procedure, but the methodology for remedying such situations lies not in a broad interpretation of a closed list, but in applying to a statutory closed list the doctrine of the development of criminal procedure law *contra legem* or *extra legem*.

2. The Maxim *Expressio Unius Est Exclusio Alterius* in the Context of Closed Lists

2.1. General provisions

As mentioned above, *expressio unius est exclusio alterius* is a well-known Latin maxim that has become widely used in legal practice and literally means 'the expression of one thing excludes other things' [30, p. 853]. This maxim works as a so-called negative inference: if the law explicitly mentions certain categories, this implies that those categories that are not explicitly mentioned in the law are intentionally excluded by the legislator from the text of the law. Accordingly, this maxim is logically and substantively linked to the closed list *numerus clausus* since both of these legal instruments can be used to achieve similar or common goals, which will be discussed below, but first we consider it necessary to turn to the peculiarities of this legal maxim.

Let us refer to the description of the essence of this maxim found in foreign legal literature. For example, the Oxford publication *Guide to Latin in International Law* calls *expressio unius* a canon of interpretation and defines this rule as 'The express mention of one thing excludes the other' [16]. According to the general meaning of the explanations set out in the Guide, the rationale underlying *expressio unius* is that the direct inclusion of a subject in a normative text indicates that the drafters were aware of the existence of other subjects and issues and decided to exclude them intentionally. As an illustration of how *expressio unius* works in practice, there is cited an international treaty establishing that civilian ships may pass through the territorial waters of another state without notification, from which it follows that military ships are not covered by this rule and that appropriate notification is required before a foreign military ship enters territorial waters, since the qualification 'without notification' is explicit with regard to civil ships but not mentioned in relation to military ships.

At first glance, the Latin maxim in question appears to be one of the maxims used to construct legal arguments, but in the Anglo-American tradition, where this maxim is most widely used, it is more often referred to not as a maxim but as a *rule of interpretation,*

в основном лингвистическим правилом толкования. Вероятно, это обусловлено тем, что *expressio unius* относится к так называемым лингвистическим максимам, которые предлагают прочтение текста, в том числе юридического, посредством логико-лингвистических мыслительных операций с опорой на языковые закономерности.

К примеру, в публикации 1915 года, посвященной правилам составления и толкования текстов законодательства, в перечне основных правил, которые применяются при толковании статутов, в частности в пункте 5, упоминается *expressio unius*, а в предыдущем предложении высказывается предположение, что законодательному органу известны правила грамматики, и они должны соблюдаться им при толковании закона, если только этим не будет нарушено намерение законодателя или это не приведет к абсурдным результатам [19, с. 513]. Судья Верховного суда США Конни Баррет в параграфе «Каноны толкования» своего научного труда отмечает, что правила, которые применяются судами при толковании закона, традиционно подразделяются на лингвистические и субстантивные (содержательные). Согласно К. Баррет, посредством лингвистических канонов к законам применяются правила синтаксиса, стандартным примером чего служит правило *expressio unius est exclusio alterius* [18, с. 117].

Если более подробно рассмотреть различия данных категорий, то обнаружится, что максима – это лаконичное изречение, служащее неким ориентиром для правоприменителя, так как она является выражением обобщенного опыта правоприменения и устоявшихся доктринальных взглядов, а правило толкования, по сути, есть предписание, которое определяет, как необходимо интерпретировать юридический текст. Так или иначе, юридические максимы и правила толкования, не будучи тождественными понятиями, могут выступать средствами толкования норм права. Максима может содержать в себе некий общий принцип, истину, которая служит правоприменителю отправной точкой для рассуждений, а правило толкования содержит в себе конкретные предписания и последовательность действий, применяемых специально для интерпретации норм права. Из вышеизложенного можно заключить, что и правила толкования, и так называемые лингвистические максимы (linguistic maxims) являются устоявшимися канонами толкования, тем самым составляя существенную часть англоамериканской доктрины толкования права.

2.2. Происхождение *expressio unius*

Также достаточно интересным является вопрос происхождения и исторических корней данной максимы. При цитировании *expressio unius* юридические словари определяют его как римскую максиму, так как сама фраза латинского происхождения, тем не менее данное правило, или regula, в ныне известном нам изложении отсутствует в трудах римских юристов и своде римского права Corpus Juris Civilis, но при этом получило свое изначальное распространение в Англии, в системе Общего права, где данное правило часто непосредственно цитировалось и до сих пор цитируется судами при разрешении дел, а также упоминается в юридической литературе и различных научных трудах.

Как утверждает современный Оксфордский словарь, самое раннее упоминание *expressio unius* в Оксфордском словаре английского языка относится к 1719 году и встречается в трудах Томаса Салмона [26]. Одним из самых ранних судебных дел, на которое часто ссылаются английские источники и образовательные ресурсы, является дело R. v Inhabitants of Sedgley 1831 года (SC 9 LJMCOS 61), в котором толковался Закон «О помощи бедным» 1601 года, устанавливающий налогообложение в пользу бедных на «земли, дома и угольные шахты»[1]. Суд должен был определить, распространяется ли данный закон на известняковые рудники. Использовав принцип *expressio unius exclusio alterius* суд постановил, что поскольку известняковые рудники не были прямо указаны в перечне закона, где перечислены объекты, облагаемые налогом, то из этого можно сделать вывод, что закон не подразумевает, что указанный налог должен применяться к другим видам шахт – известняковым.

Даже итальянские авторы упоминают *expressio unius* в контексте английского Common Law. Так, указывается, что система толкования договоров в английском Общем праве вращается вокруг ряда правил герменевтики, одним из которых является применяемый судьями прием, заключенный в формуле *expressio unius est exclusio alterius* означающий, что наличие конкретного обстоятельства предполагает исключение обстоятельств, прямо не предусмотренных договором [25, с. 54–55].

Исходя из вышесказанного очевидно, что многие латинские изречения, применяемые в английском праве, хотя и не были созданы непосредственно римскими юристами (при этом определенные римские юридические концепции заимствовались англо-американской юридической традицией и судами для своих нужд), были выражены на латинском языке, чтобы продемонстрировать, что они вдохновлены римским правом, авторитетным в средневековой Европе.

Как отмечают современные английские юристы, многочисленные латинские принципы и фразы были апробированы в английских судах, и обычно было проще продолжать привычно использовать латинские фразы и максимы, которые были всем

[1] R. v Inhabitants of Sedgley 1831 (SC 9 LJMCOS 61). English Reports Citation. Pp.1068-1069. URL: http://www.commonlii.org/int/cases/EngR/1831/265.pdf.

mainly a linguistic rule of interpretation. This is probably due to the fact that *expressio unius* refers to so-called linguistic maxims, which offer the reading and perception of texts, including legal texts, through logical-linguistic intellectual operations based on linguistic regularities.

For example, in a 1915 publication on the rules of drafting and interpreting legislative texts, the list of basic rules applicable to the interpretation of statutes, specifically its paragraph 5, mentions *expressio unius*, while in the previous sentence it is assumed that the legislative body is familiar with the rules of grammar and must comply with them when interpreting the law, unless this would violate the intention of the legislator or lead to absurd results [19, p. 513]. In the 'Canons of Interpretation' section of her academic work, U.S. Supreme Court Justice Connie Barrett notes that the rules applied by courts when interpreting the law are traditionally divided into linguistic and substantive. According to Barrett, linguistic canons apply rules of syntax to laws, a standard example of which is the rule *expressio unius est exclusio alterius* [18, p. 117].

If we delve into the differences between the categories in question, a maxim is a concise statement that serves as a kind of guideline for law enforcement officials as it is an expression of generalized experience in law enforcement and well-established doctrinal views, while a rule of interpretation is essentially a prescription that determines how a legal text should be interpreted. Both legal maxims and rules of interpretation, while not being identical concepts, can serve as means of interpreting legal norms. A maxim may contain a general principle, a truth that serves as a starting point for reasoning for law enforcement officials, while a rule of interpretation contains specific prescriptions and provides a sequence of actions to be applied specifically to the interpretation of legal norms. From the above it can be concluded that both rules of interpretation and so-called linguistic maxims are established canons of interpretation, thus constituting an essential part of the Anglo-American doctrine of interpretation of law.

2.2. The origin of *expressio unius*

The origin and historical roots of this maxim are also quite interesting. Legal dictionaries state that *expressio unius* is a Roman maxim since the phrase itself is of Latin origin. Meanwhile, this rule (or regula) as we know it today is not found in the works of Roman jurists or in the collection of Roman law *Corpus Juris Civilis*; it first spread in England, in the common law system, where this rule was often directly cited and is still cited by courts in the resolution of cases, and is also mentioned in legal literature and various scientific works.

According to the modern Oxford Dictionary, the earliest mention of *expressio unius* in the Oxford English Dictionary dates back to 1719 and is found in the works of Thomas Salmon [26]. One of the earliest court cases often cited by English sources is the case of R. v Inhabitants of Sedgley heard in 1831 (SC 9 LJMCOS 61), which interpreted the Poor Law of 1601 establishing taxation on land, houses, and coal mines in favor of the poor[1]. The court had to determine whether this law also applied to limestone mines. Using the principle *expressio unius exclusio alterius*, the court ruled that, since limestone mines were not expressly mentioned in the list of taxable objects in the law, it could be concluded that the law did not imply that the specified tax was to be applied to other types of mines, i.e., to limestone mines.

Even Italian authors mention *expressio unius* in the context of English common law. For example, it is pointed out that the system of contract interpretation in English common law revolves around a set of rules of hermeneutics, one of which is the technique, used by judges, embodied in the formula *expressio unius est exclusio alterius*, meaning that the existence of a specific circumstance implies the exclusion of circumstances not expressly provided for in the contract [25, pp. 54–55].

Based on the above, it becomes clear that many Latin sayings used in English law, although not created directly by Roman lawyers, were borrowed by the Anglo-American legal tradition and courts for their own purposes, and were expressed in Latin to demonstrate that they were inspired by Roman law, which enjoyed authority in medieval Europe.

As modern English lawyers note, numerous Latin principles and phrases were tested in English courts, and it was usually easier to continue using Latin phrases and maxims

[1] R. v Inhabitants of Sedgley 1831 (SC 9 LJMCOS 61). English Reports Citation. Pp. 1068–1069. Available at: http://www.commonlii.org/int/cases/EngR/1831/265.pdf.

знакомы, чем пытаться заменить их английской фразой [24]. В течение столетий суды Общего права, создавая судебные прецеденты, напрямую ссылались на юридические максимы, обосновывая ими свои решения. Таким образом, максимы, в том числе лингвистические, получили свое нормативное закрепление посредством английского прецедентного права.

2.3. Соотношение numerus clausus и expressio unius

Возвращаясь к тезису о непосредственной связи между рассмотренным выше закрытым перечнем *numerus clausus* и максимой *expressio unius*, отметим, что оба указанных правовых инструмента могут применяться для ограничения произвольного толкования текста закона правоприменителями, хотя, как уже упоминалось выше, *expressio unius* является правилом интерпретации, а *numerus clausus*, по сути, служит приемом законодательной техники для формулирования закрытых/исчерпывающих перечней. Тем не менее и *numerus clausus,* и *expressio unius* являются теми факторами, которые исключают возможность необоснованного расширения различных списков и перечней, установленных законом. Так, *expressio unius* подразумевает исключение из правового регулирования тех элементов, которые прямо не упомянуты в законодательном тексте, а *numerus clausus* изначально вводит в закон исчерпывающий перечень элементов, объектов или прав.

Правила *expressio unius* и *numerus clausus* могут взаимодополнять друг друга. Например, как уже упоминалось, в отрасли гражданского права при анализе вещных прав можно опираться на *numerus clausus* для определения перечня возможных вещных прав, а правило *expressio unius* может служить для вывода о том, что если в тексте закона непосредственно перечисляются залог, сервитут и прочие вещные права, то создавать вещное право, которое не упомянуто законодателем в этом перечне, запрещено. Отметим также, что правило *expressio unius* в основном применяется к закрытым перечням, однако может использоваться и безотносительно каких-либо перечней и списков; к примеру, если законом непосредственно упоминается лишь один элемент или одна конкретная правовая категория, это влечет за собой тот же вывод о том, что данное правовое регулирование не может распространяться на какой-либо иной элемент или иную категорию, прямо не установленную законом.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что несмотря на указанные различия оба рассматриваемых нами правовых инструмента имеют своей целью обеспечение предсказуемости и стабильности правового регулирования, при этом *expressio unius* служит инструментом интерпретации и анализа юридических текстов, а *numerus clausus* выполняет функцию нормативного ограничения, которое зачастую выступает препятствием для создания объектов или новых правовых категорий, не предусмотренных законодателем.

Кроме того, правило *expressio unius*, как и *numerus clausus*, во многом пересекается с таким явлением, как квалифицированное молчание закона. Квалифицированное молчание законодателя может закрепляться посредством оформления закрытого перечня *numerus clausus* и интерпретироваться через логику *expressio unius*, если контекст и общая логика закона позволяют предположить, что законодатель осознанно пошел на исключение из текста закона определенных элементов и категорий. Если же молчание закона вызвано упущением законодателя, его ошибкой либо последующим пробелом, то применение правила *expressio unius* может привести к ошибочной интерпретации закона и негативным последствиям, что будет рассмотрено нами ниже, так как есть опасность того, что в подобных случаях чрезмерно буквальное и узкое толкование закона может привести к абсурдным результатам, не соответствующим намерениям законодателя. Рассмотрим на примерах армянской судебной практики как обоснованные, так и весьма спорные случаи применения *expressio unius*.

2.4. Применение *expressio unius* в армянской судебной практике

Суды различных инстанций Республики Армения довольно активно применяют данную максиму в своей юридической практике, называя *expressio unius* методом толкования (в гражданских делах) либо просто правилом *expressio unius* (в уголовных делах). Ссылки на данную максиму исчисляются десятками судебных дел. Возможно, столь широкое применение правила толкования из системы Common law обусловлено тем, что в правовую систему Республики Армения после судебно-правовых реформ 2007 года был введен и законодательно закреплен институт судебного прецедента, который частично заимствовал черты английской модели прецедента, в том числе правило *stare decisis*, адаптировав их к потребностям и особенностям правовой системы Армении. Рассмотрим наиболее актуальные дела, судебные решения по которым были вынесены в 2023–2024 годах.

Так, довольно интересным и неоднозначным примером применения судом expressio unius является гражданское дело № ՎՀԴ/3692/02/23 от 19 марта 2024 г.[1], где предметом рассмотрения Апелляционного суда Республики Армения стал вопрос о том, является ли совместно нажитым имуществом приобретенная в браке квартира, которая была куплена на средства, полученные одним из супругов в результате продажи своего личного имущества,

[1] Решение Апелляционного суда РА № ՎՀԴ/3692/02/23 от 19 марта 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

that were familiar to everyone than to try to replace them with English phrases [24]. Over the centuries, when creating judicial precedents, common law courts directly referred to legal maxims to justify their decisions, thus giving maxims, including linguistic ones, the normative status through English case law.

2.3. The relationship between *numerus clausus* and *expressio unius*

Returning to the thesis about the direct connection between the closed list *numerus clausus* and the maxim *expressio unius*, we should note that both of these legal instruments can be used to limit arbitrary interpretation of the text of a law by law enforcement officials, although, as mentioned above, *expressio unius* is a rule of interpretation, while *numerus clausus* is a legislative technique for formulating closed/exhaustive lists. Both *numerus clausus* and *expressio unius* are factors that preclude the possibility of unjustified expansion of various lists and enumerations established by law. *Expressio unius* implies the exclusion from legal regulation of those elements that are not expressly mentioned in the legislative text, while *numerus clausus* initially introduces into the law an exhaustive list of elements, objects, or rights.

The rules of *expressio unius* and *numerus clausus* can complement each other. For example, as already mentioned, in civil law, when analyzing property rights, one can rely on *numerus clausus* to define the list of possible property rights, and the rule of *expressio unius* can be used to conclude that, if the text of the law directly enumerates a pledge, easement, and other property rights, then it is prohibited to create a property right that is not mentioned by the legislator in this list. It should also be noted that, although the *expressio unius* rule mainly applies to closed lists, it can also be applied regardless of any lists or enumerations. For example, if the law directly mentions only one element or one specific legal category, this leads to the same conclusion that this legal regulation cannot be extended to any other element or category not expressly established by law.

Based on the above, it can be concluded that, despite the differences mentioned, both legal instruments in qustion are aimed at ensuring the predictability and stability of legal regulation, with *expressio unius* serving as a tool for interpreting and analyzing legal texts and *numerus clausus* serving as a normative restriction, which often acts as an obstacle to the creation of objects or new legal categories not specified by the legislator.

In addition, the rule of *expressio unius*, like *numerus clausus*, largely overlaps with the phenomenon of qualified silence of the law. Qualified silence of the legislator can be enshrined by drawing up a closed list *numerus clausus* and interpreted through the logic of *expressio unius* if the context and general logic of the law suggest that the legislator deliberately excluded certain elements and categories from the text of the law. If, however, silence of the law is caused by an omission, an error on the part of the legislator, or by a subsequent gap, the application of the *expressio unius* rule may lead to an erroneous interpretation of the law and negative consequences, which we will consider below, as there is a danger that in such cases an overly literal and narrow interpretation of the law may lead to absurd results that do not correspond to the intentions of the legislator. Let us consider examples from Armenian practice where the application of *expressio unius* can be assessed as justified and as highly controversial.

2.4. The use of *expressio unius* in Armenian judicial practice

Courts of various instances in the Republic of Armenia actively apply this maxim in their legal practice, referring to it as the *expressio unius* method of interpretation (in civil cases) or simply the *expressio unius* rule (in criminal cases). There are dozens of court cases that refer to this maxim. Perhaps such widespread application of this rule of interpretation taken from the common law system is due to the fact that, following the judicial and legal reforms of 2007, the institution of judicial precedent was introduced and legislatively enshrined in the legal system of the Republic of Armenia, which partially borrowed the features of the English model of precedent, including the rule of *stare decisis*, adapting them to the needs and characteristics of the Armenian legal system. Let us consider the most relevant cases, the court decisions on which were delivered in 2023-2024.

A rather interesting and ambiguous example of the application of *expressio unius* by a court is civil case No. ՎՀԴ/3692/02/23 of March 19, 2024[1], where the subject of consideration by the Court of Appeal of the Republic of Armenia was whether the apartment acquired during marriage, which was purchased with funds received by one of the spouses from the sale of his personal property that had been transferred to him as a gift, was jointly

[1] Decision of the Court of Appeal of the Republic of Armenia No. ՎՀԴ/3692/02/23 of March 19, 2024. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

переданного ему в дар. Суд отклонил жалобу истца о признании квартиры в качестве его личного имущества, обосновав свою позицию в том числе использованием правила expressio unius. Применив указанное правило к рассматриваемой правовой норме, суд постановил, что можно констатировать, что законодатель в статье 201 Гражданского кодекса РА посредством закрытого перечня определил те исключения, при наличии которых имущество является не совместной собственностью супругов, а личным имуществом одного из них. К примеру, таковым является имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар или в порядке наследования. По мнению суда, поскольку законодатель не включил в указанный перечень имущество, приобретенное во время брака на средства, полученные от распоряжения личным имуществом одного из супругов, то, следовательно, указанное правовое положение статьи 201 Гражданского кодекса РА согласно правилу *expressio unius*можно толковать как запрет на квалификацию подобного имущества, в данном случае квартиры, в качествеличной собственности одного из супругов.

Заметим, что в данном случае толкование, которое дал Апелляционный суд, присовокупив к нему применение правила *expressio unius* , видится довольно неоднозначным. Одним из критических замечаний, относящихся к*expressio unius*, является то, что данной максимой зачастую делается чрезмерный акцент на текстуализм и буквальный подход к толкованию закона. Мы уже говорили о том, что при применении *expressio unius* необходим сбалансированный подход, который бы учитывал намерение законодателя и общий контекст закона. Казалось бы, по логике законодателя, если имущество, полученное во время брака в дар, является личным имуществом супруга, то и денежные средства, которые были получены в результате продажи данного личного имущества, также являются его личными, а равно и собственность, которая впоследствии была приобретена супругом на данные личные средства. Не совсем ясно, почему при осуществлении сделки одного из супругов со своим личным имуществом право на это личное имущество автоматически трансформируется в институт совместно нажитой общей собственности супругов, как это следует из правовой позиции Апелляционного суда. Механическое применение *expressio unius* может привести к чрезмерно узкому толкованию закона и результатам, которые не отражают истинные намерения законодателя. В данном случае в результате подобного толкования может сложиться судебная практика, которая ограничивает право одного из супругов насвободное распоряжение своим личным имуществом.

Более выверенную позицию по данному вопросу занял Верховный суд РФ, который в своем Определении от 22 сентября 2020 г. (№ 41-КГ20-10-К40) постановил, что имущество, приобретенное в браке на личные средства одного из супругов, полученных от продажи личного имущества, может быть исключено из режима общей совместной собственности супругов[1]. Согласно правовой позиции Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ при определении статуса имущества суд должен учитывать целый ряд юридически значимых обстоятельств, в том числе стоимость приобретенного имущества и размер внесенных личных средств, а также промежуток между продажей личного имущества и приобретением новой недвижимости. Данный вопрос становился предметом разъяснения Пленума ВС РФ гораздо раньше, в 1998 году. Так, согласно абзацу 4 пункта 15 Постановления Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» не является общим совместным имущество, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования[2].

Вместе с тем довольно часто и резонно *expressio unius* применяется судами при рассмотрении дел, касающихся утверждения фактов, которые имеют юридическое значение. По делу № ԴԵ2/38825/02/23 от 29 сентября 2023 г.[3] Суд первой инстанции отклонил требование истца об утверждении в порядке особого производства факта собственности на земельный участок. Суд отметил, что в статье 26 Гражданского процессуального кодекса РА (далее – ГПК РА) законодатель четко и исчерпывающе определил дела, которые могут рассматриваться в порядке особого производства, и в перечне указанной статьи не предусмотрено оснований для рассмотрения в порядке особого производства исков о признании права собственности. Соответственно, в данных обстоятельствах, применив общепринятое правило толкования expressio unius, согласно которому неупоминание какого-либо элемента в исчерпывающем перечне следует толковать как его исключение, суд пришел к выводу, что не обладает компетенцией в порядке особого производства и в рамках статьи 26 ГПК РА рассматривать иски о признании права собственности на земельный участок.

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским деламВС РФ от 22 сент. 2020 г.№ 41-КГ20-10-К4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака Постановление Пленума ВС РФ от 5 нояб. 1998 г. № 15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции№ ԴԵ 2/38825/02/23 от 29 сентября 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

acquired property. The court rejected the plaintiff's claim that the apartment should be recognized as his personal property, basing its position, among other things, on the application of the *expressio unius* rule. Applying this rule to the legal norm in question, the court concluded that in Article 201 of the Civil Code of the RA the legislator had established, through a closed list, exceptions where property is not considered joint property of spouses but is considered personal property. These exceptions include property that belonged to each spouse before marriage as well as property received by one of the spouses during marriage as a gift or by inheritance. In the court's opinion, since the legislator had not included in the above list property acquired during marriage with funds obtained from the disposal of personal property of one of the spouses, the legal provision of Article 201 of the Civil Code of the RA, according to the *expressio unius* rule, could be interpreted as prohibiting from classifying such property, in this case the apartment, as personal property of one of the spouses.

It should be noted that in this case the interpretation given by the Court of Appeal, coupled with the application of the *expressio unius* rule, seems rather ambiguous. One of the critical comments regarding *expressio unius* is that this maxim often places excessive emphasis on textualism and a literal approach to interpreting the law. We have already mentioned that when applying *expressio unius* a balanced approach is needed that takes into account the intention of the legislator and the general context of the law. It would seem that, following the logic of the legislator, if property received as a gift during marriage is personal property of a spouse, then the funds received from the sale of that personal property are also his/her personal property, as is any property subsequently acquired by the spouse with those personal funds. It is not entirely clear why, when one of the spouses disposes of his/her personal property, the right to that personal property is automatically transformed into jointly acquired property of the spouses, as follows from the legal position of the Court of Appeal. The mechanical application of *expressio unius* can lead to an overly narrow interpretation of the law and to results that do not reflect the true intentions of the legislator. In this case, such an interpretation could result in judicial practice limiting the right of one of the spouses to freely dispose of his/her personal property.

The Supreme Court of the Russian Federation took a more balanced position on this issue in its Ruling of September 22, 2020 (No. 41-KG20-10-K40), according to which property acquired during marriage with personal funds of one of the spouses obtained from the sale of personal property may be excluded from the regime of joint ownership of the spouses.[1]According to the legal position of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, when determining the status of property, the court must take into account a number of legally significant circumstances, including the value of the property acquired and the amount of personal funds contributed, as well as the period between the sale of personal property and the acquisition of new real estate. This issue was clarified by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation much earlier, in 1998. According to para. 4 of Item 15 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 5, 1998 No. 15 'On the Application by Courts of Legislation on Divorce Proceedings', property acquired during marriage, but with personal funds of one of the spouses that belonged to him/her before marriage and was received as a gift or by inheritance, is not considered joint property[2].

At the same time, *expressio unius* is quite often and reasonably applied by courts when considering cases concerning the establishment of facts that have legal significance. In case No. ԴԵ2/38825/02/23 of September 29, 2023,[3] the court of first instance rejected the plaintiff's claim for confirmation of ownership of a land plot in special proceedings. The court noted that in Article 26 of the Civil Procedure Code of the Republic of Armenia, the legislator clearly and exhaustively defined the cases that may be considered in special proceedings, and the list provided in this article does not provide grounds for considering claims for recognition of ownership rights in special proceedings. Accordingly, in the given circumstances, having applied the generally accepted rule of interpretation *expressio unius*, according to which the omission of any element from an exhaustive list should be interpreted as its exclusion, the court concluded that it did not have jurisdiction to consider claims for recognition of ownership of a land plot in special proceedings and within the framework of Article 26 of the Civil Procedure Code of the Republic of Armenia.

[1] Ruling of the Judicial Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation for Civil Cases No. 41-KG20-10-K4 of September 22, 2020. Access from the legal reference system 'Consultant Plus'.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 'On the Application by Courts of Legislation in Divorce Proceedings' No. 15 of November 5, 1998. Access from the legal reference system 'Consultant Plus'.

[3] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԴԵ 2/38825/02/23 of September 29, 2023. Access from the legal reference system 'DataLex'.

В деле № ԳԴ4/0114/02/23 от 16 апреля 2024 г.[1] Судом первой инстанции в рамках особого производства по просьбе заявителя рассматривался вопрос утверждения факта смерти лица, являющегося наследодателем. Дело в том, что факт смерти лица не был своевременно зарегистрирован ни в одном из соответствующих органов. Суд отметил, что из анализа статьи 237 ГПК Республики Армения следует, что законодатель исчерпывающим образом (в девяти пунктах) перечислил все те дела, по которым суд в порядке особого производства управомочен рассматривать вопрос об установлении фактов, однако полномочие устанавливать факт смерти лица в данном перечне отсутствует. Поэтому в данном случае, по мнению суда, необходимо применить общеизвестное правило толкования *expressio unius* согласно которому отсутствие какого-либо элемента в исчерпывающем перечне следует толковать как его исключение, так как сущность этого правила заключается в том, что если какой-либо элемент не включен в закрытый перечень, то норму, определяющую этот перечень, можно толковать как устанавливающую запрет на данный элемент. Соответственно, суд постановил, что вопрос утверждения факта смерти должен быть рассмотрен по существу, но не в порядке особого производства, как того желал истец, а в рамках других правовых процедур, предусмотренных законом, в частности в рамках исследования судом других фактов, имеющих юридическое значение.

3. Виды закрытых законодательных перечней

3.1. Общие положения

Классификация закрытых законодательных перечней мало изучена в теории права. В этой работе законодательные закрытые перечни будут классифицированы по двум основаниям. Во-первых, в соответствии с логической структурой правовой нормы, то есть в зависимости от того, в каком структурном элементе правовой нормы закреплен закрытый законодательный перечень: в гипотезе, диспозиции или в негативной санкции. Во-вторых, в соответствии с полнотой перечисления элементов закрытого перечня в конкретной статье закона, то есть в зависимости от того, каким является перечень – полным или неполным. Заранее отметим, что в случае неполных закрытых перечней список не превращается в неопределенную систему, просто элементы неполного перечня технически заключены (перечислены) не в одной статье, а в разных статьях, в частности отдельные элементы неполного списка могут быть зафиксированы и в другой статье.

3.2. Виды закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм

Закрытые перечни могут быть предусмотрены в трех элементах логической структуры правовой нормы: в гипотезе, диспозиции и в негативных санкциях.

В закрытом перечне, расположенном в гипотезе (гипотеза с закрытым перечнем), перечислены условия (юридические факты), необходимые для возникновения правоотношений. При этом закрытый перечень гипотезы может быть как сложным, то есть для возникновения правового последствия необходимо наличие всех элементов закрытого перечня, так и альтернативным, то есть наличие любого условия, предусмотренного в закрытом перечне, является достаточным для возникновения правоотношения.

Если сознательное невключение какого-либо факта (элемента) в закрытый перечень гипотезы или его упущение порождает серьезные правовые проблемы, например приводит к нарушению принципа права, то восполнение закрытого списка на основе доктрины развития права *extra legem* или «открытие» и добавление нового элемента на основе доктрины развития права *contra legem* в основном допускается при условии, что вытекающие из этого последствия не являются ограничительными для частного лица. Закрытый перечень, расположенный в гипотезе, никоим образом не может быть «открыт» или восполнен, если последствия, которые он влечет за собой, носят запрещающий, обязывающий или карательный характер.

В закрытом перечне, содержащемся в диспозиции, перечислены правовые последствия, которые возникают при соблюдении соответствующих условий и могут иметь запрещающий, разрешающий или обязывающий характер. Замкнутую систему запрещающих или обязывающих элементов (правовых последствий), предусмотренную в закрытом перечне диспозиций, запрещается восполнять на основе доктрины развития права *extra legem* или «открывать» ее на основе доктрины развития права *contra legem*, если это может наложить на частное лицо ограничения, не предусмотренные в закрытом перечне.

Закрытый перечень, содержащийся в санкции, предусматривает исчерпывающий перечень видов наказаний, которые могут быть назначены за то или иное правонарушение. Указанный перечень может состоять из основных и дополнительных наказаний или основных и альтернативных наказаний. Определенной оговоркой, закрытым перечнем санкций следует считать и те случаи, когда санкция нормы предусматривает только один вид наказания (абсолютно определенная санкция). Подчеркнем, структура санкции, состоящая из одного элемента, хотя и является исчерпывающей, может рассматриваться как список со строгими оговорками.

[1] Решение Суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԳԴ4/0114/02/23 от 16 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

In case No. ԳԴ4/0114/02/23 of April 16, 2024,[1] court of first instance, in special proceedings conducted at the request of the applicant, considered an issue of confirming the death of a person who was the testator. The problem was that the death of the person was not registered in a timely manner with any of the relevant authorities. The court noted that an analysis of Article 237 of the Civil Procedure Code of the Republic of Armenia showed that the legislator had exhaustively listed (in nine points) all cases in which the court is authorized to consider the establishment of facts in special proceedings, but the authority to establish the fact of a person's death is not included in this list. Therefore, in this case, in the opinion of the court, it was necessary to apply the well-known rule of interpretation *expressio unius*, according to which the absence of any element in an exhaustive list should be interpreted as its exclusion, since the essence of this rule is that if any element is not included in a closed list, then the norm establishing this list can be interpreted as establishing a prohibition on that element. Accordingly, the court ruled that the question of establishing the fact of death should be examined on its merits, but not in special proceedings, as the plaintiff wished: it was to be considered within the framework of other legal procedures provided for by law, in particular within the framework of the court's examination of other facts of legal significance.

3. Types of Closed Statutory Lists

3.1. General provisions

The classification of closed statutory lists has been little studied in legal theory. In this work, closed statutory lists will be classified on two grounds. First, according to the logical structure of the legal norm, i.e., depending on which structural element of the legal norm the closed statutory list is enshrined in: hypothesis, disposition, or negative sanction. Second, according to the completeness of the enumeration of elements in a specific article of the law, i.e., depending on whether the list is complete or incomplete. We should note in advance that in the case of incomplete closed lists, such a list does not become an indefinite system; the peculiarity is that elements of an incomplete list are technically included (listed) not in one article, but in different articles, individual elements of an incomplete list may be provided in another article.

3.2. Types of closed lists according to their location in the structural elements of legal norms

Closed lists may be provided in three elements of the logical structure of a legal norm: in the hypothesis, in the disposition, and in negative sanctions.

A closed list located in the hypothesis (hypothesis with a closed list) enumerates the conditions (legal facts) necessary for the emergence of legal relations. A closed list provided in the hypothesis can be either complex (for legal consequences to arise, all elements of the closed list must be present) or alternative (the presence of any condition specified the closed list is sufficient for legal relations to arise).

If deliberate non-inclusion of a fact (element) in a closed list provided in the hypotheses, as well as omission of a fact(element), gives rise to serious legal problems (e.g., leads to a violation of the principle of law), then it is generally permissible to supplement the closed list on the basis of the doctrine of the development of law *extra legem* or to 'open' this list and add a new element based on the doctrine of the development of law *contra legem* on the condition that the consequences of these actions are not restrictive for private individuals. A closed list in the hypothesis cannot in any way be 'opened' or supplemented if the consequences it entails are prohibitive, binding, or punitive in nature.

A closed list contained in the disposition enumerates the legal consequences that arise when the relevant conditions are met; these consequences may be prohibitive, permissive, or binding in nature. The closed system of prohibitive or binding elements (legal consequences) established in a closed list provided in the disposition cannot be supplemented on the basis of the *extra legem* development of law doctrine or 'opened' on the basis of the *contra legem* development of law doctrine if this may impose restrictions on private individuals that are not specified in the closed list.

[1] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԳԴ4/0114/02/23 of April 16, 2024. Access from the legal reference system 'DataLex'.

Закрытый перечень, содержащийся в санкции, не может быть восполнен или «открыт» правоприменителем на каком-либо основании. Указанный перечень может быть изменен только законодателем. Если закрытый законодательный перечень предусматривает наиболее строгие виды наказания, то этот перечень не может быть дополнен посредством какого-либо иного правового акта, кроме как законом, даже если речь идет о дополнении его более мягким наказанием. «Открытие» или восполнение закрытого перечня санкции со стороны суда или другого правоприменительного органа подорвет стабильность и определенность применяемой в государстве системы карательных мер. Например, согласно части 6 статьи 5 Закона РА «Об общественных организациях» член организации может быть исключен из организации в случаях и порядке, установленных уставом организации. Согласно пункту 12 части 1 статьи 13 того же Закона в уставе организации закрепляются случаи и порядок исключения члена из организации[1]. Указанным Законом предусмотрен один вид санкции, подлежащей применению к члену общественной организации, –исключение из организации. Отсутствие более мягкого наказания в закрытом перечне санкций следует толковать в соответствии с правовой максимой *expression unius exclusion alterius.* Это означает, что закрытый список, содержащий в себе наказание в виде исключения из организации, не может быть «открыт» или восполнен со стороны общественной организации посредством внесения иного наказания в виде «приостановления членства», которое, хотя и является более мягкой санкцией, не предусмотрено законом. Между тем на практике существует ситуация, противоположная сказанному. Так, пунктом 17 устава Общественной организации «Футбольная федерация Армении» (далее –Федерация) предусмотрена такая санкция, как «приостановление членства». В соответствии с указанным пунктом Устава—«Собрание может приостановить членство любого члена, если последний регулярно и/или грубо нарушает свои обязанности <…>. Член федерации, членство которого приостановлено, теряет все права, вытекающие из членства. Другие члены не могут иметь спортивных связей с членом федерации, членство которого приостановлено. Дисциплинарный и этический комитет может применять другие санкции».

В гражданском деле № ԴԵ/2554/02/21 член Федерации ООО «Футбольный клуб Торпедо», чье членство было приостановлено, оспаривал в суде законность (правомерность) пункта 17 Устава Федерации. Основным правовым вопросом в данном деле стал вопрос о том, имеет ли общественная организация право «открыть» исчерпывающий перечень санкций, предусмотренных законом, и предусмотреть в своем Уставе иную меру ответственности –приостановление членства, которая, хотя и является более мягкой мерой по сравнению с санкцией, предусмотренной законом (исключение из организации), не закреплена в законе.

Суд первой инстанции РА выразил положительную позицию по этому вопросу и в решении от 11 мая 2021 г. отметил: «<…> устав общественной организации является ее учредительным, основным документом, и законом устанавливаются основные требования, предъявляемые к его форме и содержанию, однако список этих требований не является окончательным, и статья 13 Закона прямо свидетельствует об этом, устанавливая, что уставом могут быть закреплены также другие положения, не противоречащие закону, касающиеся организации деятельности. <…> Положения, установленные уставом организации, касающиеся приостановления членства, не носят произвольного характера, и определено условие, при наличии которого может быть рассмотрен вопрос о **временном или окончательном** приостановлении членства. Такое регулирование **напрямую вытекает из законодательства РА, не противоречит внутригосударственным правовым актам и само по себе является санкцией, основание, порядок и условия применения которой определены уставом.** Суд считает необходимым отметить, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения членом организации своих обязанностей, установленных законом или уставом, определение меры ответственности, то есть правовых последствий нарушения обязанностей, является правомерным, не противоречит какому-либо закону или правовому акту, напротив, призвано обеспечить нормальное функционирование организации»[2].

В указанном деле Суд использовал ряд формулировок, уязвимых с точки зрения формальной логики и законодательства.

Во-первых, Суд, используя формулировку «временное или окончательное приостановление членства», признал, что приостановление может быть окончательным. Между тем приостановление членства, в отличие от прекращения членства, всегда носит временный характер.

Во-вторых, Суд отметил, что «регулирование приостановления членства напрямую вытекает из законодательства РА», но не сослался на законодательное положение, из которого непосредственно следует подобное регулирование. На самом деле в законодательстве РА не предусмотрено какой-либо

[1] Об общественных организациях: Закон Республики Армения от 4 дек. 2001 г. ՕՀ-22-Ն // Официальные ведомости РА. 2017.01.25/5(1280), ст. 58.

[2] Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции№ ԴԵ/2554/02/21 от 11 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

A closed list contained in the sanction provides an exhaustive list of types of penalties that may be imposed for a particular offense. This list may consist of basic and additional penalties, or basic and alternative penalties. Up to a point, cases where the sanction of a norm establishes only one type of punishment (an absolutely definite sanction) should also be considered a closed list of sanctions. It should be emphasized that the structure of a sanction consisting of a single element, although exhaustive, may be regarded as a list with strict reservations.

A closed list contained in the sanction cannot be supplemented or 'opened' by law enforcers on any grounds. This list may only be amended by the legislature. If a closed statutory list enumerates the most severe types of punishment, this list cannot be supplemented by any other legal act except by a law, even if it is a matter of supplementing it with a more lenient punishment. The possibility of 'opening' or supplementing a closed list of sanctions by a court or other law enforcement agency would undermine the stability and certainty of the system of punitive measures applied in the state. For example, according to part 6 of Article 5 of the RA Law 'On Non-Governmental Organizations', a member of an organization may be expelled from the organization in the cases and in the manner established by the organization's charter. According to Item 12 of Part 1 of Article 13 of the same Law, the charter of the organization shall specify the cases and procedure for expelling a member from the organization[1]. The aforementioned law establishes one type of sanction to be applied to a member of a non-governmental organization – expulsion from the organization. The absence of a milder punishment in a closed list of sanctions should be interpreted in accordance with the legal maxim *expressio unius exclusion alterius*. This means that a closed list containing punishment in the form of expulsion from the organization cannot be 'opened' or supplemented by the non-governmental organization by introducing another punishment in the form of 'suspension of membership, which, though being a milder sanction, is not provided for by law.

However, in practice, the opposite situation is observed. For example, Item 17 of the Charter of the non-governmental organization 'Football Federation of Armenia' (hereinafter referred to as the Federation) establishes such a sanction as 'suspension of membership'. It runs as follows: 'The Assembly may suspend the membership of any member if the latter regularly and/or grossly violates its obligations <...>. A member of the Federation whose membership has been suspended loses all rights arising from membership. Other members may not have any sporting ties with the member of the Federation whose membership has been suspended. The Disciplinary and Ethics Committee may apply other sanctions'.

In civil case No. ԴԵ/2554/02/21, a member of the Federation, Football Club Torpedo LLC, whose membership had been suspended, challenged in court the legality (lawfulness) of Item 17 of the Federation's Charter. The main legal issue in this case was whether a non-governmental organization has the right to 'open' an exhaustive list of sanctions provided for by law and to establish a different penalty in its Charter – suspension of membership – which, though being a milder measure than the sanction provided for by law (expulsion from the organization), is nevertheless not enshrined in law.

The court of first instance of the RA expressed a positive position on this issue and noted in its decision of May 11, 202: '<...> the charter of a non-governmental organization is its founding basic document, and the law establishes the basic requirements with regard to its form and content, but the list of these requirements is not exhaustive, and Article 13 of the Law expressly states this, establishing that the charter may also contain other provisions that do not contradict the law and relate to the organization of activities. <...> The provisions established by an organization's charter concerning the suspension of membership are not arbitrary, and the condition under which the question of **temporary or permanent** suspension of membership may be considered is defined. Such regulation **directly follows from the legislation of the Republic of Armenia, does not contradict domestic legal acts, and is in itself a sanction, the grounds, procedure, and conditions for the application of which are defined by the charter.** The court considers it necessary to note that in the event of non-performance or improper performance by a member of the organization of its duties established by law or the charter, the determination of the penalty, i.e., of the legal consequences of the breach of duties, is lawful, does not contradict any law or legal act, but, on the contrary, is intended to ensure the normal functioning of the organization'[2].

In the case in question, the Court used a number of formulations that are vulnerable from the point of view of formal logic and legislation.

First, using the phrase 'temporary or permanent suspension of membership', the Court recognized that suspension may be permanent. However, unlike termination of membership, suspension of membership is always temporary in nature.

Second, the Court noted that 'the regulation of suspension of membership derives directly from the legislation of the Republic of Armenia', but did not refer to the legislative provision from which such regulation directly derives. In fact, RA legislation does not contain any

[1] Law of the Republic of Armenia 'On Non-Governmental Organizations' No. ՕՀ-22-Ն of December 4, 2001. *Official Bulletin of the Republic of Armenia*. 2017.01.25/5(1280). Art. 58.

[2] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԴԵ/2554/02/21 of May 11, 2021. Access from the legal reference system 'DataLex'.

нормы, из которой можно было бы вывести положение о приостановлении членства. Неслучайно Суд уже в следующем предложении изменил логику суждения и отметил, что это регулирование не противоречит внутригосударственным правовым актам. Если бы регулирование приостановления членства вытекало непосредственно из законодательства или было бы предусмотрено законодательством, то Суду не пришлось бы говорить о том, что это регулирование не противоречит закону. Если какое-либо регулирование прямо предусмотрено законом (или прямо вытекает из закона), излишне говорить о том, что это регулирование не противоречит закону.

В-третьих, ирония заключается в том, что Суд параллельно с утверждением о том, что регулирование приостановления членства вытекает из законодательства РА, отметил, что основание, порядок и условия применения «приостановления членства» установлены Уставом. По всей вероятности, Суд забыл о своем первоначальном утверждении о том, что регулирование приостановления членства напрямую вытекает из законодательства РА, поскольку далее отметил, что институт приостановления членства предусмотрен Уставом, который не является частью законодательства РА.

В действительности в основе решения Суда лежит следующая логика: если приостановление членства не запрещено законодательством, то это может быть предусмотрено Уставом. Если это так, то данное решение Суда, разрешающего гражданские споры, обусловлено сугубо частноправовым мышлением, основанном на девизе «разрешено все, что не запрещено законом», которое, однако, не должно применяться, когда речь идет о юридической ответственности, даже если эта ответственность относится к сфере частного права.

Приостановление членства в общественной организации ограничивает основное (конституционное) право на свободу объединения, согласно которому каждый имеет право на свободное объединение с другими лицами, включая создание профессиональных союзов и вступление в них. А свобода объединений может быть ограничена только законом (ч. 1 и 3 ст. 45 Конституции РА). С точки зрения конституционного права ясно, что приостановление членства, как акт вмешательства в свободу объединения, может быть предусмотрен только парламентским (в формальном смысле) законом.

Таким образом, запрещается восполнять на основании доктрины развития права *extra legem* исчерпывающие виды мер наказаний, которые предусмотрены в закрытом перечне санкций, или «открывать» подобные перечни на основании доктрины позитивного развития права *contra legem*, даже если этим предполагается ввести более мягкий вид наказания.

Вместе с тем если за нарушения, не конкретизированные (не уточненные) законом, предусмотрена одна мера ответственности, которая по сравнению с аналогичными ситуациями является самой строгой, к примеру, такая мера как исключение члена из организации, то применение этой строгой санкции к менее значительным (малозначительным) нарушениям может противоречить конституционному принципу соразмерности. Чтобы избежать нарушения принципа соразмерности, законодателю следует внести изменения в закрытый перечень санкций либо правоприменителю следует прибегнуть к механизму конституционного правосудия (если, конечно, возможно решить вопрос таким образом). Если ситуация такова, что разрешить вопрос через законодательный процесс или механизм конституционного правосудия не представляется возможным, то суду не остается ничего иного, как считать, что норма, запрещающая данное деяние, является «несовершенной нормой» – *leges im perfectae* [4, с. 161–164; 9, с. 77], т. е. за нарушение этой нормы не предусмотрено с оразмерного правонарушению отрицательного правового последствия (меры ответственности). В таком случае суд, руководствуясь конституционным принципом соразмерности, должен отказаться от применения единственной и самой строгой меры ответственности, предусмотренной законом за незначительные (малозначительные) правонарушения. Если суд, основываясь на конституционном принципе соразмерности, отказывается применить единственный, но несоразмерный вид наказания, то этим он противопоставляется законодательному требованию о применении единственной санкции, предусмотренной законом, что можно считать негативным развитием права *contra legem*.

В судебной практике РА редко, но встречаются случаи негативного развития права *contra legem*. Так, Комитет государственных доходов РА в результате проверки зафиксировал, что компания «НАТФУД» не зарегистрировала в установленном порядке в системе электронного учета маркировку, наклеенную на 2-килограммовую колбасу. Комитет государственных доходов РА, основываясь на единственной абсолютно определенной санкции, предусмотренной пунктом 1 части 1 статьи 424 Налогового кодекса РА, оштрафовал компанию на сумму 500 тыс. драмов РА (примерно на 1300 дол. США).

Организация обжаловала штраф в Административном суде первой инстанции РА, однако последний своим решением от 19 апреля 2023 г. отклонил иск, мотивируя это следующим образом: «<…> налоговое правонарушение – это самостоятельный вид правонарушения, который отличается своим целевым назначением и направленностью. Налоговое правонарушение не содержит элемента, характерного для административного или уголовного правонарушения – субъективной стороны (обязательное наличие вины), поэтому наличие или отсутствие вины для привлечения лица к ответственности за налоговое правонарушение не может иметь значения и служить основанием для освобождения лица от ответственности. <…> Штраф

provision from which a provision on the suspension of membership could be derived. Noteworthy is that in the very next sentence the Court changed its reasoning and noted that this regulation did not contradict domestic legal acts. If the regulation on the suspension of membership had stemmed directly from the legislation or had been provided for by the legislation, the Court would not have had to state that this regulation did not contradict the law. If a regulation is expressly provided for by law (or stems directly from the law), it is superfluous to state that this regulation does not contradict the law.

Thirdly, the irony lies in the fact that, while affirming that the regulation on the suspension of membership derives from the RA legislation, the Court noted that the grounds, procedure, and conditions for applying 'suspension of membership' are established by the Charter. In all likelihood, the Court forgot its initial assertion that the regulation of suspension of membership derives directly from the RA legislation, since it further noted that the institution of suspension of membership is provided for in the Charter, which is not part of the RA legislation.

The Court's decision appears to be based on the following logic: if suspension of membership is not prohibited by law, it may be provided for by the Charter. If this is the case, then this decision of the Court, which resolves civil disputes, is based on a purely private-law approach, based on the principle that 'everything that is not prohibited by law is permitted', which, however, should not apply when it comes to legal liability, even if this liability falls within the sphere of private law.

Suspension of membership in a non-governmental organization restricts the fundamental (constitutional) right to freedom of association, according to which everyone has the right to freely associate with others, including the right to form and join trade unions. Freedom of association may only be restricted by law (Parts 1 and 3 of Article 45 of the Constitution of the Republic of Armenia). From the perspective of constitutional law, it is clear that suspension of membership, as an act of interference with freedom of association, can only be provided for by a parliamentary (in the formal sense) law.

Thus, it is prohibited to supplement, on the basis of the doctrine of the development of law *extra legem*, exhaustive types of punishment established in a closed list of sanctions or to 'open' such lists on the basis of the doctrine of the positive development of law *contra legem*, even if this is intended to introduce a more lenient type of punishment.

At the same time, if one and the same penalty is established for violations that are not clarified by law, this penalty being most severe in comparison with similar situations (for example, such a penalty as expulsion of a member from an organization), the application of this severe sanction to less significant (minor) violations may contradict the constitutional principle of proportionality. To avoid violation of the proportionality principle, the legislator should amend the closed list of sanctions, or the law enforcement agency should apply the mechanism of constitutional justice (if, of course, it is possible to resolve the issue in this way). If the situation is such that it is not possible to resolve the issue through the legislative process or the mechanism of constitutional justice, the court has no choice but to consider that the norm prohibiting the act in question is an 'imperfect norm' – leges imperfectae [4, pp. 161–164; 9, p. 77], i.e., for violating this norm there are no negative legal consequences (penalty) commensurate with the offense. In such a case, guided by the constitutional principle of proportionality, the court must refuse to apply the only and most severe penalty established by law for minor (insignificant) offenses. If the court, based on the constitutional principle of proportionality, refuses to apply the only but disproportionate type of punishment, it contradicts the legislative requirement to apply the only sanction provided for by law, which can be considered a negative development of law *contra legem*.

In the judicial practice of the RA, there are rare but notable cases of negative development of law *contra legem*. For example, as a result of an inspection, the State Revenue Committee of the RA found that the company NATFUD had failed to register the labeling affixed to a 2-kilogram sausage in the electronic accounting system, in accordance with the established procedure. The Committee, basing on the only absolutely definite sanction provided for in Item 1 of Part 1 of Article 424 of the RA Tax Code, fined the company 500,000 RA drams (approximately US$1,300).

The organization appealed against the fine in the Administrative Court of First Instance of the RA, but the court, in its decision of April 19, 2023, dismissed the claim, stating the following: '<…> a tax offense is a separate type of offense, which differs in its purpose and focus. A tax offense does not contain an element characteristic of an administrative or criminal offense – the mental element (mandatory presence of guilt), therefore, the presence or absence of guilt for holding a person liable for a tax offense cannot be relevant and serve as a basis for exempting a person from liability. <…> The fine imposed

в отношении истца был наложен на основании пункта 1 части 1 статьи 424 Налогового кодекса РА, и в соответствии с этой нормой законодатель не установил никаких исключений, в том числе в связи с отсутствием намерения уклониться от уплаты налогов или фактом устранения недостатков <...>»[1].

Апелляционный административный суд РА, основываясь на принципе соразмерности налоговой ответственности, не согласился с Судом первой инстанции РА и решением от 6 мая 2024 г.[2] признал акт налогового органа недействительным по следующей причине: «<...> Хотя законодательство предусматривает налоговую ответственность за отчуждение маркированных товаров с нарушением установленного законом порядка, в период обнаружения правонарушения товар, подлежащий маркировке, был отчужден компанией “НАТФУД” по налоговой накладной, в результате чего Апелляционный суд зафиксировал, что в ней указано “Колбаса 2 кг”, цена “5483,6” драмов. Иными словами, несоответствие маркировки реализованных товаров закону не повлекло за собой никаких финансовых последствий, налогоплательщик не скрывал налоги и не нанес государству материального ущерба, поэтому применение меры налоговой ответственности в размере 500 000 драмов при таких обстоятельствах не вытекает из принципа соразмерности ответственности, установленного Налоговым кодексом Республики Армения»[3].

Налоговый кодекс РА, в отличие от Кодекса РА об административных правонарушениях, не предусматривает возможности освобождения от ответственности в случае совершения малозначительного правонарушения. Законом также не определено каких-либо механизмов индивидуализации ответственности, предусмотренной за налоговое правонарушение. При таких обстоятельствах Апелляционный административный суд РА, взяв за основу принцип соразмерности, прямо закрепленный в части 1 статьи 3 Налогового кодекса РА[4], развил налоговое право вопреки законодательному требованию о применении абсолютно определенной санкции и вывел из принципа соразмерности новое правило поведения, согласно которому лицо может быть освобождено от налоговой ответственности в случае совершения малозначительного правонарушения.

3.3. Полные и неполные закрытые перечни

В зависимости от полноты перечисления элементов закрытого перечня в конкретной статье закона законодательные закрытые перечни (нормы, их закрепляющие) бывают полными и неполными.

В случае полностью закрытых перечней все элементы списка перечислены в конкретной статье. Например, в статье 12 УПК РА предусмотрен полный закрытый перечень оснований для прекращения уголовного преследования, поскольку в данной статье заключены все основания для прекращения уголовного преследования.

В случае полного закрытого перечня норма не предусматривает ссылки на другую статью, поэтому элементы данного списка не могут быть указаны в других статьях, в противном случае между этими нормами возникнет противоречие.

В случае неполных закрытых перечней основная часть (но не вся) элементов списка перечислена в конкретной статье, однако данный перечень неполный, поскольку в других статьях, возможно, предусмотрены и иные элементы данного списка. Например, в части 1 статьи 389 УПК РА установлен неполный закрытый перечень судебных актов, подлежащих особому пересмотру (непосредственному обжалованию) в Апелляционном суде РА, поскольку в указанном положении, с одной стороны, перечисляются судебные акты, подлежащие обжалованию, а с другой – отмечается, что пересмотру в апелляционном суде РА подлежат также «другие судебные акты в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». В данном случае перечень судебных актов, подлежащих обжалованию в Апелляционном суде РА, закрыт, поскольку такие акты исчерпывающе перечислены в законе. Однако этот перечень неполный, так как конкретная статья содержит ссылку на другие статьи закона, которые могут предусматривать и иные судебные акты, подлежащие обжалованию в Апелляционном суде РА.

Конституционный суд РА в своем Постановлении ՈԴՍ-1725 от 16 апреля 2024 г. квалифицировал перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Административном апелляционном суде РА, как «открытое перечисление» (мы называем его неполным закрытым перечнем). Конституционный суд РА счел перечень актов открытым перечислением на основании *формулировки* «иные решения подлежат обжалованию в случаях, предусмотренных законом», которая установлена в пункте 12 Кодекса административного судопроизводства РА.

[1] Решение Административного суда РА первой инстанции № ԴՎ/6794/05/22 от 19 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[2] Решение Апелляционного административного суда РА № ՎԴ/6794/05/ 22 от 6 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

[3] Решение Апелляционного суда РА было обжаловано в Кассационном судеРА,однакопоследнийПостановлениемот 16.10.2024 отказал в принятии апелляционной жалобы к производству.

[4] Налоговый кодекс Республики Армения от 4 окт. 2016 г. ՀՕ-165-Ն // Официальные ведомости РА. 2016.11.04/79 (1259), ст. 1038.

on the plaintiff was based on Item 1 of Part 1 of Article 424 of the Tax Code of the Republic of Armenia, and in accordance with this provision, the legislator did not establish any exceptions, including in connection with the absence of intent to evade the payment of taxes or the fact of elimination of deficiencies <...>’[1].

The Administrative Court of Appeal of the Republic of Armenia, based on the principle of proportionality of tax liability, disagreed with the court of first instance and, in its decision of May 6, 2024[2], invalidated the tax authority's act for the following reason: ‘<...> Although legislation establishes tax liability for the disposal of labeled goods in violation of the procedure established by law, at the time of the discovery of the offense, the goods subject to labeling had been disposed of by NATFUD according to the tax invoice, as a result of which the Court of Appeal noted that the tax invoice indicated ‘2 kg of sausage’ at a price of ‘5,483.6’ drams. In other words, the non-compliance of the labeling of the goods sold with the law did not entail any financial consequences, the taxpayer did not evade taxes and did not cause material damage to the state, therefore, the application of a tax penalty in the amount of 500,000 drams in such circumstances does not follow from the principle of proportionality of liability established by the Tax Code of the Republic of Armenia’[3].

The Tax Code of the Republic of Armenia, unlike the Code of Administrative Offenses of the Republic of Armenia, does not provide for the possibility of exemption from liability in the case of a minor offense. The law also does not provide for any mechanisms for individualizing liability established for a tax offense. In such circumstances, the Administrative Court of Appeal of the Republic of Armenia, based on the principle of proportionality, which is expressly enshrined in Article 3(1) of the Tax Code of the Republic of Armenia[4], developed tax law contrary to the legislative requirement to apply a strictly defined sanction and derived from the principle of proportionality a new rule of conduct according to which a person may be exempted from tax liability in the case of a minor offense.

3.3. Complete and incomplete closed lists

Depending on the completeness of the list of elements in a specific article of the law, statutory closed lists (the rules that establish them) can be complete or incomplete.

In the case of complete closed lists, all elements of the list are enumerated in a specific article. For example, Article 12 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia provides a complete closed list of grounds for termination of criminal proceedings since this article contains all the grounds for termination of criminal proceedings.

In the case of a complete closed list, the norm does not contain a reference to another article, therefore the elements of this list cannot be provided in other articles, otherwise a contradiction will arise between these norms.

In the case of incomplete closed lists, the main part (but not all) of the elements of the list are enumerated in a specific article, but this list is not exhaustive, as other articles may provide other elements of this list. For example, Part 1 of Article 389 of the RA Code of Criminal Procedure establishes an incomplete closed list of judicial acts subject to special review (direct appeal) in the RA Court of Appeal: on the one hand, this provision lists judicial acts subject to appeal; on the other hand, it is noted that ‘other judicial acts in cases provided for by this Code’ are also subject to review by the RA Court of Appeal. In this case, the list of judicial acts subject to appeal to the RA Court of Appeal is closed since acts subject to review are exhaustively listed in the law, but this list is incomplete because a specific article refers to other articles of the law that may list other judicial acts subject to appeal in the RA Court of Appeal.

In its Resolution ՂՍՈ-1725 of April 16, 2024, the Constitutional Court of the Republic of Armenia classified the list of judicial acts subject to direct appeal to the Administrative Court of Appeal of the Republic of Armenia as an ‘open enumeration’ (we refer to it as an incomplete closed list). The RA Constitutional Court considered the list of acts to be an open list on the basis of the *wording* ‘other decisions are subject to appeal in cases provided for by the law’, which is established in Item 12 of the RA Code of Administrative Procedure.

[1] Decision of the Administrative Court of First Instance of the Republic of Armenia No. ԴՎ/6794/05/22 of April 19, 2023. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

[2] Decision of the Court of Appeal of the Republic of Armenia No.ԴՎ/6794/05/22 of May 6, 2024. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

[3] The decision of the Court of Appeal of the Republic of Armenia was challenged in the Court of Cassation of the Republic of Armenia, but the latter, by its ruling of October 16, 2024, refused to accept the appeal for consideration.

[4] Tax Code of the Republic of Armenia No. ՕՀ-165-Ն of October 4, 2016. *Official Bulletin of the Republic of Armenia*. 2016.11.04/79(1259). Art. 1038.

Так, Конституционный суд РА отметил: «Часть 1 статьи 131 Кодекса административного судопроизводства РА посредством исчерпывающего перечня устанавливает промежуточные судебные акты, подлежащие непосредственному обжалованию в порядке апелляционного производства. Вышеуказанное положение Кодекса, по сути, устанавливая исчерпывающий перечень промежуточных судебных актов, подлежащих немедленному обжалованию в порядке апелляционного производства (пункты 1– 11 ч. 1 ст. 131), **одновременно** устанавливает посредством данного списка **открытое перечисление** (пункт 12) <…>» [1].

Использованная Конституционным судом РА формулировка «устанавливает посредством данного списка открытое перечисление» не является удачной, поскольку может вызвать путаницу и быть ошибочно принятой за открытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию. В действительности, использованное судом словосочетание «открытое перечисление» не следует отождествлять с открытым перечнем судебных актов, подлежащих обжалованию.

Конституционный суд РА не счел перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, открытым на основании формулировки «иные решения в случаях, предусмотренных законом». Напротив, Конституционный суд РА четко указал, что те судебные акты, которые не предусмотрены как в этом списке (общим регулированием), так и специальными регулированиями, установленными законом, не могут быть объектом непосредственного обжалования.

Таким образом, во избежание терминологической путаницы список в приведенных выше ситуациях следует квалифицировать как неполный закрытый перечень.

4. Симулякры законодательных закрытых перечней

4.1. Общие положения

На практике, как правило, не составляет труда определить, является ли законодательное перечисление закрытым или открытым списком. Однако существуют ситуации, когда перечисление, предусмотренное в законе, на первый взгляд напоминает закрытый список, но в действительности это не закрытый перечень, а симулякр (от лат. *simulacrum* – «подобие, копия») закрытого перечня, то есть это подобие закрытого списка, который на самом деле таковым не является.

Решение конкретных правовых вопросов микроуровня (малого масштаба), например вопроса о том, является ли перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию, закрытым или открытым перечнем, в основном не представляет сложности.

Сложнее сформулировать в технике закрытого перечня вопросы макроуровня (крупномасштабные вопросы) или определить, каким является подобный перечень с точки зрения закрытости или открытости. Например, сложности возникают с установлением того, является ли список норм, перечисленных в законе, исчерпывающим (закрытым) или нет, *или* является ли список прав человека, закрепленных в Конституции, исчерпывающим или нет, *или* является ли список принципов права исчерпывающим или нет.

Общий подход заключается в том, что законодательно закрепить закрытый перечень, касающийся вопросов большого масштаба, в принципе невозможно, поэтому недопустимо. Даже если они сформулированы в тексте закона с использованием техники закрытого перечня, это все равно не настоящий закрытый список, а скорее его имитация (симулякр закрытого законодательного перечня).

Порой возникает необходимость обсуждения сложных вопросов правовой формы и содержания для идентификации подобных перечней в качестве закрытых или открытых, даже встречаются случаи, когда возникает необходимость обсуждения более фундаментальных вопросов теории права, например вопросов правопонимания. Так, исследователь, основываясь на юридическом позитивизме и исходя из номинального законодательного перечисления принципов права, может сделать вывод о закрытом законодательном перечне принципов права. Между тем в действительности масштаб принципов права не позволяет применить к ним логику закрытого законодательного перечня или сделать вывод о закрытости законодательного перечня принципов, даже если в тексте закона содержится номинальное перечисление принципов, напоминающее закрытый законодательный список. Если законодатель осуществил перечисление принципов, внешне напоминающее закрытый список, то его следует считать не закрытым перечнем принципов права, а симулякром такого перечня (об этом далее).

Симулякры закрытых перечней, относящихся к масштабным вопросам, создают еще один симулякр «открытия» этого списка согласно логике *contra legem*, однако если что-то является иллюзией, значит, и противопоставление этому – тоже иллюзия. В случае симулякра закрытых перечней логика «открытия» этого списка посредством *contra legem* не работает, хотя такое впечатление и может создаться.

[1] Постановление Конституционного суда Республики Армения ՍՈԴ-1725 от 16 апр. 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

The Constitutional Court of the RA noted: 'Part 1 of Article 131 of the Code of Administrative Procedure of the Republic of Armenia establishes, by means of an exhaustive list, interim judicial acts subject to direct appeal in appeal proceedings. The above provision of the Code, in essence, establishing an exhaustive list of interim judicial acts subject to immediate appeal in appeal proceedings (Items 1-11 of Part 1 of Article 131) **simultaneously** establishes, through this list, an **open enumeration** (Item 12) <...>'[1].

The wording used by the Constitutional Court of the Republic of Armenia 'establishes through this list an open enumeration' appears to be not appropriate as it may cause confusion and be mistakenly taken as an open list of judicial acts subject to appeal. Meanwhile, the phrase 'open enumeration' used by the court should not be equated with an open list of judicial acts subject to appeal.

The RA Constitutional Court did not consider the list of judicial acts subject to appeal to be open on the basis of the wording 'other decisions in cases provided for by the law'. On the contrary, the Constitutional Court clearly stated that those judicial acts that are not specified either in this list (general regulation) or in special regulations established by law cannot be subject to direct appeal.

Thus, in order to avoid terminological confusion, the list in the situations described above should be classified as an incomplete closed list.

4. Simulacra of Closed Statutory Lists

4.1 General provisions

In practice, it is usually not difficult to determine whether a statutory list is closed or open. However, there are situations where a list provided for by law at first glance appears to be a closed list, but in reality it is not a closed list but a simulacrum (from the Latin simulacrum, meaning 'likeness' or 'semblance') of a closed list, i.e., it is a likeness of a closed list that is not actually one.

The resolution of specific micro-level (small-scale) legal issues, such as whether a list of judicial acts subject to direct appeal is a closed or open list, is generally not difficult.

It is more difficult to formulate macro-level (large-scale) issues in the closed list technique, or to determine what such a list represents in terms of closedness or openness. For example, difficulties arise in determining whether a list of norms enumerated in a law is exhaustive (closed) or not, or whether the list of human rights enshrined in the Constitution is exhaustive or not, or whether a list of principles of law is exhaustive or not.

The general approach is that it is impossible in principle to legislatively enshrine a closed list covering large-scale issues, and therefore it is inadmissible. Even if they are formulated in the text of the law using the technique of a closed list, it is still not a real closed list, but rather an imitation (a simulacrum of a closed statutory list).

Sometimes it becomes necessary to discuss complex issues of the legal form and content in order to identify such lists as closed or open. There are even cases where it is necessary to delve into more fundamental issues of legal theory, such as questions of legal understanding. A researcher, based on legal positivism and basing on a nominal statutory enumeration of the principles of law, may conclude that the list of principles of law is closed. However, in reality the scope of the principles of law does not allow the logic of a closed statutory list to be applied to them, or to conclude that a statutory list of principles is closed even if the text of the law contains a nominal list of principles resembling a closed statutory list. If the legislator provides a list of principles that outwardly resembles a closed list, it should be considered not a closed list of principles of law, but a simulacrum of such a list (more on this below).

Simulacra of closed lists relating to large-scale issues create another simulacrum – that of the 'opening' of such a list according to the *contra legem* logic. Meanwhile, if something is an illusion, then its opposite is also an illusion. In the case of a simulacrum of closed lists, the logic of 'opening' such a list by means of *contra legem* does not work, although this impression may be created.

[1]Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. ՍՈԴ-1725 of April 16, 2024. Access from the legal information system 'Arlis'.

4.2. Симулякры закрытых перечней в макроправовом измерении

4.2.1. Симулякр закрытого перечня норм, закрепленных в законе

В разное время высказывались мнения о замкнутой системе правовых норм, в том смысле что право – это всеобъемлющая система, в которой нет пробелов, поэтому перечисленные в ней нормы являются исчерпывающими. Например, Карл Шмитт в своей известной работе отмечал, что Конституция представляет собой замкнутую систему норм [29, с. 59]. В течение многих лет преобладающим мнением было то, что существуют такие закрытые системы права, как, например, система уголовного права, которая признана замкнутой системой из-за правила *nullum crimen, nulla poena sine lege* [2, с. 141].

Вопрос о том, является ли список норм, перечисленных в законе, закрытым или открытым, непосредственно связан с вопросом о возможности наличия законодательного пробела. Если мы исходим из доктрины о том, что закон является всеобъемлющей системой и в нем не может быть пробелов, то это означает, что список норм, перечисленных в законе, закрыт.

В настоящее время признание получает подход, согласно которому даже Конституция и Уголовный кодекс (его общая часть) не являются замкнутыми системами и в них возможны пробелы. Например, в части 3 статьи 4 Уголовного кодекса РА, принятой в 2021 году, прямо указано, что нормы общей части Уголовного закона могут применяться по аналогии, если это не ухудшает положения человека [1]. Однако с точки зрения правовой формы перечисление статей в законе создает впечатление, что список норм, закрепленных в законодательстве, также является исчерпывающим. Но когда мы переходим от правовой формы (статьи) к содержанию (норме), то становится ясно, что за формальным закрытым перечнем статей нет объективной реальности. Система правовых норм, закрепленных в статьях закона, не является замкнутой, поскольку всегда возможны пробелы, которые в случае применении аналогии восполняются новыми нормами.

Государство признает факт открытого перечня правовых норм, когда закон (например, Закон РА «О нормативных правовых актах») разрешает правоприменителям восполнять законодательные пробелы посредством аналогии закона и права. Когда суд на основе аналогии закона и права фактически добавляет новые правила (нормы) в правопорядок, список статей закона внешне не изменяется, но список правовых норм претерпевает изменения.

Всё это свидетельствует о том, что перечисление статей в законе создает впечатление закрытого перечня правовых норм, однако это всего лишь иллюзия, поскольку в законодательстве всегда возможны пробелы, которые восполняются новыми нормами.

4.2.2. Симулякр закрытого перечня прав человека, закрепленных в Конституции

Является ли перечень прав человека, закрепленных в Конституции, закрытым или нет? Например, есть научные исследования, посвященные обзору практики Конституционного суда Германии, признавшего ряд прав человека, которые не включены в перечень основных прав, установленных Основным законом 1949 года, в качестве конституционных прав, к примеру, таких как общее личное право [8]. За основу данного подхода берется идея открытого перечня прав человека, перечисленных в Конституции.

В конституционном праве РА на протяжении многих лет признавалась концепция открытого перечня прав человека, и об этом прямо говорилось в тексте Конституции РА. Так, в статье 43 Конституции РА 1995 года было прямо указано: «Права и свободы, закрепленные в Конституции, не являются исчерпывающими и не могут толковаться как отрицание других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина»[2].

Конституционный суд РА в Постановлении ՈԴՍ-350 от 22 февраля 2002 г. отметил: «Указанное конституционное положение можно интерпретировать так, что гражданин РА или любое лицо, находящееся под юрисдикцией РА, может иметь не только права или свободы, не прописанные в Конституции, но и такие права и свободы, которые являются логическим продолжением прав и свобод, закрепленных в Конституции РА, или являются дополнительной гарантией, обеспечивающей их реализацию. <...> права и свободы, перечисленные Конституцией РА, не являются исчерпывающими, человек и гражданин могут иметь другие общеизвестные права и свободы <...>. Нормы Конституции о правах и свободах человека носят не запретительный, а управомочивающий характер [3].

[1] Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. ՕՀ-199-Ն. URL: https://www.arlis.am/.
[2] Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г.) // Официальные ведомости РА 1995. Спец. выпуск, ст. 77.
[3] Постановление Конституционного суда Республики Армения ՊՍՈ-350 от 22 февр. 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правовой системы Arlis.

4.2. Simulacra of closed lists in the macro-legal dimension

4.2.1. A simulacrum of a closed list of norms enshrined in law

At various times, opinions have been expressed about a closed system of legal norms in the sense that law is a comprehensive system in which there are no gaps, and therefore norms listed in it are exhaustive. For example, Carl Schmitt noted in his famous work that the Constitution is a closed system of norms [29, p. 59]. For many years, the prevailing opinion was that there exist closed legal systems such as the criminal law system, which is recognized as a closed system due to the rule of *nullum crimen, nullapoena sine lege* [2, p. 141].

The question of whether a list of norms enumerated in a law is closed or open is directly related to the question of the possibility of a legislative gap. If we rely on the doctrine that the law is a comprehensive system and cannot have gaps, this means that the list of norms listed in a law is closed.

Currently, the approach is gaining recognition that even the Constitution and the Criminal Code (its general part) are not closed systems and that gaps are possible in them. For example, Part 3 of Article 4 of the Criminal Code of the Republic of Armenia, adopted in 2021, expressly states that the provisions of the general part of the Criminal Code may be applied by analogy if this does not worsen the situation of a person[1]. However, from the point of view of legal form, the listing of articles in a law gives the impression that the list of norms enshrined in the legislation is also exhaustive. But when we move from the legal form (articles) to the content (norms), it becomes clear that there is no objective reality behind a formal closed list of articles. The system of legal norms enshrined in the articles of the law is not closed as there are always gaps, which can be filled by new norms through the application of analogy.

The state recognizes the existence of an open list of legal norms when the law (for example, the RA Law 'On Normative Legal Acts') allows law enforcement officials to fill legislative gaps by analogy with the law and legal principles. When a court, based on analogy of the law and legal principles, adds new rules (norms) to the legal order, the list of articles of the law does not change outwardly, but the list of legal norms undergoes changes.

All this shows that the listing of articles in a law gives the impression of a closed list of legal norms, but this is only an illusion since there are always gaps in legislation that can be filled by new norms.

4.2.2. A simulacrum of a closed list of human rights enshrined in the Constitution

Is the list of human rights enshrined in the Constitution exhaustive or not? For example, there are academic studies reviewing the practice of the German Constitutional Court, which has recognized a number of human rights, such as the general right to privacy, that were not included in the list of fundamental rights established by the Basic Law of 1949 as constitutional rights [8]. This approach is based on the idea of an open list of human rights listed in the Constitution.

For many years, the concept of an open list of human rights has been recognized in the constitutional law of the Republic of Armenia, and this was explicitly stated in the text of the Constitution of the Republic of Armenia. Article 43 of the 1995 Constitution of the RA explicitly stated: 'The rights and freedoms enshrined in the Constitution are not exhaustive and cannot be interpreted as denying other universally recognized rights and freedoms of the human being and citizen'[2].

The Constitutional Court of the Republic of Armenia, in its ruling ՍՈՂ-350 of February 22, 2002, noted: 'The aforementioned constitutional provision may be interpreted to mean that a citizen of the Republic of Armenia or any person under the jurisdiction of the Republic of Armenia may have not only the rights or freedoms not specified in the Constitution, but also those rights and freedoms that are a logical extension of the rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Republic of Armenia, or are an additional guarantee ensuring their implementation. <...> the rights and freedoms listed in the Constitution of the Republic of Armenia are not exhaustive; individuals and citizens may have other well-known rights and freedoms <...>. The provisions of the Constitution on human rights and freedoms are not prohibitive but rather enabling in nature'[3].

[1] Criminal Code of the Republic of Armenia No. ՕՀ-199-Ն of May 5, 2021. Available at: https://www.Arlis.am/.
[2] Constitution of the Republic of Armenia (adopted by a nationwide vote on July 5, 1995). *Official Bulletin of the Republic of Armenia.* 1995. Special issue. Art. 77.
[3] Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. ՍՈՂ-350 of February 22, 2002. Access from the legal information system 'Arlis'.

В статье 42 Конституции РА в редакции 2005 года положение об открытом перечне основных прав человека, по сути, сохранилось, однако оно было изложено в следующей формулировке: «Основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией, не исключают других прав и свобод, установленных законами и международными договорами»[1].

В Конституции РА в редакции 2015 года не предусмотрено специальной нормы относительно открытого перечня основных прав человека, однако это не означает, что подход Учредительной власти к этому вопросу изменился[2]. Просто регулирование открытого перечня основных прав человека было осуществлено по-другому. В статье 39 Конституции РА закреплено основное право человека на свободу действий, которое согласно доктрине «защищает все проявления свободы действий, независимо от того, имеют ли они формальное закрепление или нет» [6, с. 57]. Армянские юристы отмечают, что право на свободу действий, гарантированное статьей 39 Конституции РА, всеобъемлющим образом защищает все те свободы человека, которые не защищены более конкретными основными правами. В теории основных прав человека право на свободу действий именуется общим основным правом, «заполняющим пробелы», которое в смысле всеобъемлющей защиты свободы и в ее интересах «включает в себя» защиту от всех необоснованные ограничений свобод, не входящих в предмет защиты какого-либо конкретного основного права [14, с. 40].

Таким образом, если в конституции государства прямо не упоминается об открытом перечне основных прав или основные права человека перечислены в виде закрытого перечня, то объем (масштаб) основных прав человека не позволяет считать его закрытым перечнем. Практика показывает, что перечень прав человека, перечисленных в текстах конституций, дополняется новыми правами с помощью различных методов, например посредством расширительного толкования или расширения предмета их защиты.

4.2.3. Симулякр закрытого перечня принципов права, перечисленных в законе

Как уже упоминалось, в законах иногда дается номинальное перечисление принципов отрасли права. В правовой системе РА существуют как открытые, так и закрытые способы законодательного перечисления правовых принципов. Например, в Законе РА «Об основах администрирования и административном производстве» использована техника открытого перечисления принципов. Во второй главе Закона изложены (перечислены) основные принципы администрирования, однако в том же законе прямо указано, что перечисление принципов является открытым. Так, в статье 12 Закона прямо указано, что основные принципы администрирования, установленные настоящей главой, не являются исчерпывающими и не могут быть препятствием для применения иных принципов администрирования.

В других законах предпринимались попытки представить принципы права в формате закрытого перечня. Например, в третьей главе УПК РА перечислены принципы уголовного процесса, однако, в отличие от Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве», в УПК РА не предусмотрено нормы о том, что перечисление принципов уголовного судопроизводства не является исчерпывающим, в результате чего создается впечатление, что законодательное перечисление принципов уголовного процесса закрыто. Как уже упоминалось, масштаб принципов не позволяет исчерпывающе перечислить их в закрытом законодательном списке или сделать вывод о закрытости перечня принципов. Неслучайно на практике суды РА иногда признают и применяют процессуальные принципы (например, принцип взаимного уважения участников уголовного процесса или принцип процессуальной честности), которые не перечислены в третьей главе УПК РА. Это свидетельствует о том, что суды РА не рассматривают законодательный перечень принципов уголовного процесса как закрытый.

Чтобы развеять иллюзию о закрытом законодательном перечне принципов права, отметим, что даже сторонники юридического позитивизма часто указывают на то, что принципы права – это фундаментальные положения, которые не только непосредственно перечислены в тексте закона, но и получили опосредованное закрепление. В последнее время также упоминается об имплицитных и эксплицитных принципах права, что также преодолевает иллюзию закрытого перечня принципов [15, с. 149–150].

4.3. Симулякры закрытых перечней в микроправовом измерении

Симулякры закрытого перечня иногда встречаются и в микроправовом измерении, то есть вопросах малого масштаба, например, таковыми являются симулякры исчерпывающего перечня видов доказательств в уголовном процессе РА. Так, в части 1 статьи 86 УПК РА перечислены виды доказательств: 1) показания задержанного; 2) показания обвиняе-

[1] Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г.) с поправками от 27 нояб. 2005 г. // Официальные ведомости РА 2005. Спец. выпуск, ст. 1426.
[2] Там же. Ст. 1118.

In Article 42 of the RA Constitution as amended in 2005, the provision on the open list of fundamental human rights was essentially retained, but it was worded as follows: 'The fundamental rights and freedoms of the human being and the citizen, as enshrined in the Constitution, shall not exclude other rights and freedoms established by laws and international treaties'[1].

The 2015 version of the RA Constitution does not contain any specific provisions regarding an open list of fundamental human rights, but this does not mean that the constituent power's approach to this issue has changed[2]; the regulation of the open list of fundamental human rights has been implemented differently. Article 39 of the RA Constitution enshrines the fundamental human right to freedom of action, which, according to the doctrine, 'protects all manifestations of freedom of action, regardless of whether they are formally enshrined or not' [6, p. 57]. Armenian lawyers note that the right to freedom of action guaranteed by Article 39 of the RA Constitution comprehensively protects all human freedoms that are not protected by more specific fundamental rights. In the theory of fundamental human rights, the right to freedom of action is referred to as a general fundamental right, a 'gap-filling' right that, in the sense of comprehensive protection of freedom and in the interests of freedom, 'includes' protection against all unjustified restrictions on freedoms that are not covered by the protection of any specific fundamental right [14, p. 40].

Thus, if a state's constitution does not explicitly mention an open list of fundamental rights, or if fundamental human rights are listed in the form of a closed list, the scope (scale) of fundamental human rights does not allow it to be considered a closed list. Practice shows that the list of human rights listed in constitutional texts is supplemented by new rights through various methods, for example through broad interpretation or through the expansion of the scope of their protection.

4.2.3. A simulacrum of a closed list of the principles of law listed in a law

As already mentioned, laws sometimes provide a nominal list of principles of a branch of law. In the legal system of the RA, there are both open and closed methods of statutory enumeration of the principles of law (legal principles). For example, the RA Law 'On the Fundamentals of Administration and Administrative Proceedings' uses the technique of open listing of principles. The second chapter of this law sets out (lists) the basic principles of administration, but the same law expressly states that the list of principles is open. Article 12 of the law clearly says that the main principles of administration set out in this chapter are not exhaustive and cannot stop other principles of administration from being used.

Other laws have attempted to present the principles of law in the form of a closed list. For example, Chapter III of the RA Criminal Procedure Code lists the principles of criminal procedure; but, unlike the RA Law 'On the Fundamentals of Administration and Administrative Proceedings', the RA CPC does not contain a rule stating that the list of principles of criminal procedure is not exhaustive, which creates the impression that the statutory list of principles of criminal procedure is closed. As already mentioned, the scope of the principles does not allow them to be exhaustively listed in a closed statutory list or to conclude that the list of principles is closed. It is no coincidence that in practice RA courts sometimes recognize and apply procedural principles (such as the principle of mutual respect for participants in criminal proceedings or the principle of procedural fairness) that are not listed in Chapter III of the RA Criminal Procedure Code. This indicates that the courts of the RA do not consider the statutory list of principles of criminal procedure to be closed.

To dispel the illusion of a closed statutory list of legal principles, even supporters of legal positivism often point out that legal principles are fundamental provisions that are not only directly listed in the text of the law but also indirectly enshrined. Recently, there have also been mentioned implicit and explicit principles of law, which also dispels the illusion of a closed list of principles [15, pp. 149–150].

4.3. Simulacra of closed lists in the micro-legal dimension

Simulacra of closed lists are sometimes found in the micro-legal dimension, i.e., in small-scale matters, such as the simulacra of an exhaustive list of types of evidence in criminal proceedings in the RA. For example, Part 1 of Article 86 of the RA Criminal Procedure Code lists the following types of evidence: 1) statements made by the detainee; 2) statements made

[1] Constitution of the Republic of Armenia (adopted by a nationwide vote on July 5, 1995) as amended on November 27, 2005. *Official Bulletin of the Republic of Armenia.* 2005. Special issue. Art. 1426.
[2] Ibid. Art. 1118.

мого; 3) показания потерпевшего; 4) показания свидетеля; 5) заключение эксперта; 6) мнение эксперта; 7) показания эксперта; 8) вещественные доказательства; 9) протоколы доказательственных и других процессуальных действий; 10) внепроцессуальные документы. На первый взгляд, законодатель перечислил виды доказательств в виде закрытого перечня, что создает впечатление, что виды доказательств, предусмотренные частью 1 статьи 86 УПК РА, являются исчерпывающими.

Суждение (утверждение) о том, что законодатель предусмотрел исчерпывающий (закрытый) список видов доказательств, было широко распространено в советской, а теперь и в определенных постсоветских уголовно-процессуальных системах [10, с. 18]. Например, судья С. Марабян в приговоре от 2 октября 2017 г. отметил: «<…> понятие “иной документ” (внепроцессуальный документ) не делает закрытый перечень видов доказательств, определенных законом (принцип *numerus clausus*), открытым. <…> понятие “иной документ” должно толковаться ограниченно, в противном случае при расширительном толковании понятия “иной документ” закрытый перечень видов доказательств, определенных законом (принцип *numerus clausus*) фактически становится открытым, что позволяет «вводить» в уголовное производство под наименованием “иной документ” все, что угодно, что в принципе противоречит основополагающим положениям доказательственного права, лежащим в основе УПК РА, в частности, правилам допустимости доказательств, четкого перечисления законом видов доказательств или концепции закрытого перечня» [1].

Приведем еще один пример. Апелляционный уголовный суд РА в решении от 9 июля 2018 г. указал: «<…> в основу обвинительного приговора могут быть положены исключительно доказательства, закрытый перечень которых четко определен Кодексом (принцип *numerus clausus*), и в них не предусмотрено такого доказательства как “объяснение” представителя потерпевшего или какого-либо другого лица (уголовное дело № ԴS1/0003/01/18)»[2].

Суды Армении, делая заявления о закрытом перечне видов доказательств, попали в ловушку «первого впечатления». На самом деле этот список не является исчерпывающим (закрытым). Перечисление видов доказательств в законе создает иллюзию закрытого перечня. Дело в том, что в постсоветском уголовном процессе в качестве доказательств используются «иные документы» или «внепроцессуальные документы», посредством которых в уголовный процесс официально вводятся данные, не включенные в законодательный перечень видов доказательств. Например, документы и носители информации, созданные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не отнесены процессуальным законодательством к видам уголовно-процессуальных доказательств, однако они всегда использовались в качестве доказательств через категорию «иные документы».

Суждение о том, что законодательство предусматривает исчерпывающий список доказательств, создает ложные ожидания законности. Между тем для законности процесса доказывания принципиальным является не исчерпывающий перечень видов доказательств, а исчерпывающий перечень предусмотренных законом способов (доказательственных действий) собирания доказательств. Например, интервьюирование потерпевшего сотрудником полиции не является процессуальным способом собирания доказательств, поэтому видеозапись интервью не является доказательством не потому, что такой вид доказательства не предусмотрен законом (его можно считать внепроцессуальным документом), а потому, что законом не предусмотрена возможность собирания доказательств таким способом. Основным процессуальным способом получения данных от жертвы преступления является не интервью, а допрос.

Как уже отмечалось, формулировка статьи 86 части 1 УПК РА создает впечатление, что законодатель предоставил исчерпывающий перечень видов доказательств, однако в данном случае мы имеем дело с иллюзией исчерпывающего перечня видов доказательств. Так, в части 1 статьи 86 УПК РА документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не отнесены к видам доказательств, а в части 2 этой же статьи прямо запрещается использование в качестве доказательств по уголовному делу документов, составленных в результате оперативно-розыскных мероприятий, а также сведений, зафиксированных на каких-либо носителях информации. Иллюзорность всего этого обосновывается тем, что законодатель в определенных ситуациях всё же признал в качестве доказательств документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, а его процессуальной формой – внепроцессуальный документ (ст. 96 УПК РА). Получается, что документы, состав-

[1] Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԴՆԱԵ/0030/01/16 от 2 окт. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex. Указанный судебный акт был вынесен в период действия УПК РА от 1998 г., поэтому следует отметить, что в акте использованы формулировки, не предусмотренные новым УПК РА.

[2] Решение Апелляционного суда РА № S Դ1/0003/01/18 от 9 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

by the accused; 3) statements made by the victim; 4) statements made by witnesses; 5) expert conclusions; 6) expert opinions; 7) expert testimony; 8) material evidence; 9) protocols of evidentiary and other procedural actions; 10) extra-procedural documents. At first glance, the legislator has listed the types of evidence in the form of a closed list, which creates the impression that the types of evidence provided for in part 1 of Article 86 of the RA CPC are exhaustive.

The view (assertion) that the legislature provides an exhaustive (closed) list of types of evidence was widespread in the Soviet system and is now supported in certain post-Soviet criminal procedure systems [10, p. 18]. For example, Judge S. Marabyan, in his judgment of October 2, 2017, noted: ‘<...> the concept of ‘other document’ (extra-procedural document) does not make the closed list of types of evidence defined by law (the *numerus clausus* principle) open. <...> the phrase ‘other document’ must be interpreted narrowly; otherwise, with a broad interpretation of the phrase ‘other document’, the closed list of types of evidence defined by law (the *numerus clausus* principle) becomes open, which allows ‘introducing’ in criminal proceedings anything under the name of ‘other document’, which in principle contradicts the fundamental provisions of the law of evidence underlying the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia, in particular the rules of admissibility of evidence, the clear listing of types of evidence by law, or the concept of a closed list’[1].

Let us provide another example. The Criminal Court of Appeal of the Republic of Armenia, in its decision of July 9, 2018, stated: ‘<...> a conviction may be based only on evidence, the closed list of which is clearly defined by the Code (the *numerus clausus* principle) and which does not include such evidence as the ‘explanation’ of the victim's representative or any other person (criminal case No. ԴS1/0003/01/18)’[2].

In making statements about a closed list of types of evidence, Armenian courts have fallen into the trap of ‘first impressions’. In fact, this list is not exhaustive (closed). The enumeration of types of evidence in the law creates the illusion of a closed list. The fact is that in the post-Soviet criminal process, ‘other documents’ or ‘extra-procedural documents’ are used as evidence, through which data not included in the statutory list of types of evidence are officially introduced into the criminal process. For example, documents and information carriers created as a result of operational-search measures are not classified by procedural law as types of criminal procedural evidence, but they have always been used as evidence through the category of ‘other documents’.

The idea that legislation provides an exhaustive list of evidence creates false expectations of legality. Meanwhile, for the legality of the process of proving, it is not an exhaustive list of types of evidence that is essential, but an exhaustive list of legislatively-established methods (evidentiary actions) for collecting evidence. For example, interviewing a victim by a police officer is not a procedural method of gathering evidence, so a video recording of the interview is not evidence, which is not because this type of evidence is not specified by law (it can be considered an extra-procedural document), but because the law does not establish the possibility of gathering evidence in this way. The main procedural method of obtaining data from a crime victim is not an interview, but an interrogation.

As already noted, the wording of Article 86 of Part 1 of the RA Criminal Procedure Code gives the impression that the legislator has provided an exhaustive list of types of evidence, but it is an illusion of an exhaustive list of types of evidence. In Part 1 of Article 86 of the RA CPC, documents drawn up as a result of operational-search measures are not classified as types of evidence, and Part 2 of the same article expressly prohibits the use as evidence in criminal proceedings of documents drawn up as a result of operational-search measures as well as information recorded on any information carriers. The illusory nature of all this can be demonstrated by the fact that, in certain situations, the legislator nevertheless recognized as evidence documents drawn up as a result of operational-search measures as well as recognized their procedural form as extra-procedural documents (Article 96 of the RA CPC). It turns out that documents

[1] Decision of the Court of First Instance of General Jurisdiction of the Republic of Armenia No. ԵՆԱԴ/0030/01/16 of October 2, 2017. Access from the legal reference system ‘DataLex’. This judicial act was issued during the period of validity of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia of 1998, therefore it contains wordings that are not used in the new Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia.

[2] Decision of the Court of Appeal of the Republic of Armenia No. ԴS 1/0003/01/18 of July 9, 2018. Access from the legal reference system ‘DataLex’.

ленные в результате опера тивно-розыскных мероприятий, хотя и не указаны в закрытом перечне видов доказательств, предусмотренных частью 1 статьи 86 УПК РА, считаются доказательством – внепроцессуальным документом. Более того, в части 1 статьи 86 УПК РА результаты проверки или повторной проверки, проведенной по инициативе органа, осуществляющего производство, не отнесены к видам доказательств, но законодатель вновь отнес их к внепроцессуальным документам.

Кроме того, протоколы, составленные в результате иных процессуальных действий в соответствии с пунктом 9 части 1 статьи 96 УПК РА, являются видом доказательств, с помощью которых можно квалифицировать в качест ве доказательств протоколы ряда процессуальных действий, не считающихся доказательственными действиями[1].

Российские теоретики также критиковали законодательное регулирование закрытого перечня видов доказательств, однако причина их критики иная. Они считают составление исчерпывающего перечня видов доказательств абсурдным, избыточным и вредным подходом исключительно по той причине, что такой список ограничивает возможности следователя защищать интересы потерпевшего и государства, такой список противоречит принципу свободной оценки доказательств и необоснованно препятствует возможному развитию средств доказывания [13, с. 217].

Исследования показывают, что в англо-саксонской и романо-германской процессуальных системах отсутствуют законода тельные положения или теоретические суждения об исчерпывающем перечне видов доказательств [12]. Например, в статье 427 УПК Франции доказывание не ограничивается использованием доказательств, предусмотренных этим Кодексом, поскольку закон не содержит исчерпывающего или неисчерпывающего перечня видов доказательств. Данное обстоятельство прямо закреплено в части 1 статьи 81 УПК Франции, где указано, что следственный судья уполномочен в соответствии с законом осуществлять любые действия по собиранию информации, которые он считает необходимыми для установления истины. Следовательно, использование новых доказательств во французском уголовном процессе в принципе не является проблемой (например, электронные документы с цифровой подписью, компьютерная информация и т. д.) [7, с. 134].

В итальянском уголовном процессе, помимо видов доказательств, предусмотренных законом (типичные доказательства: свидетельские показания, заключение эксперта, результаты эксперимента, предъявленные для признания), при соблюдении определенных условий допускаются также средства доказывания, не предусмотренные законом (нетипичные (атипичные) доказательства). В соответствии со статьей 189 УПК Италии судья разрешает использование нетипичных доказательств только в том случае, если он считает, что они подходят для проверки фактов и не наносят ущерба моральной свободе человека [3, с. 152].

Заключение

На основе полученных результатов научно-практического исследования можно прийти к следующим выводам.

1. Законодательные перечни представляют собой системы, состоящие из элементов, имеющих юридическое значение, и бывают двух видов: закрытые *(numerus clausus)* и открытые *(numerus apertus).* Установленный законом закрытый перечень *numerus clausus* представляет собой систему, состоящую из исчерпывающего перечисления элементов, имеющих юридическое значение, которая, выступая в качестве символа правового запрета, считает недопустимым выполнение юридически значимых операций с элементами, не предусмотренными в этом списке. Тем самым законодательный закрытый перечень как юридический символ содержит косвенный (имплицитный) запрет.

2. Критический анализ судебной практики доказывает, что нормы закрытых перечней не подлежат расширительному толкованию, а попытки судов «расширить» закрытый перечень на самом деле являются формой развития права *contra legem,* а не расширительным толкованием. Таким образом, суды осуществляют «открытие» закрытых законодательных перечней посредством развития права *contra legem* и их восполнение посредством развития права *extra legem.*

3. Закрытые перечни могут классифицироваться согласно расположению в элементах правовых норм. При этом закрытый перечень, содержащийся в санкции, предусматривает исчерпывающий перечень видов наказаний и не может быть ни на каком основании восполнен посредством *extra legem* или «открыт» посредством *contra legem.* Указанный перечень может быть изменен только законодателем.

[1] В уголовном процессе РА результа ты гипноза или детектора лжи не могут использоваться в качестве доказательств, что обусловлено не тем обстоятельством, что в ч. 1 ст.86 УПК РА так ой вид доказательств не предусмотрен, а тем, что законодатель запретил их использование (ч. 8 ст. 18, п. 6 ч. 3 ст. 97 УПК РА). Если на мгновение предположить, что законодатель изменил свой подход к получению доказательств с помощью гипноза и разрешил его, то в случае такого изменения не было бы необходимости предусматривать отдельный вид доказательств дл я данных, полученных с помощью гипноза, они будут использоваться либо как заключение эксперта, либо как показания.

drawn up as a result of operational-investigative measures, although not included in the closed list of types of evidence provided in Part 1 of Article 86 of the RA Criminal Procedure Code, are considered evidence – an extra-procedural document. Moreover, in Part 1 of Article 86, the results of an inspection or re-inspection carried out on the initiative of the authority conducting the proceedings are not classified as types of evidence, but the legislator, again, has classified them as extra-procedural documents.

In addition, protocols drawn up as a result of other procedural actions in accordance with Item 9 of Part 1 of Article 96 of the RA Criminal Procedure Code are a type of evidence that can be used to qualify as evidence the protocols of some procedural actions that are not considered evidentiary actions[1].

Russian theorists have also criticized the legislative regulation of the closed list of types of evidence, but the reason for their criticism is different. They consider the compilation of an exhaustive list of types of evidence to be absurd, excessive, and harmful solely because such a list limits the investigator's ability to protect the interests of the victim and the state, contradicts the principle of free evaluation of evidence, and unreasonably hinders the possible development of means of proof [13, p. 217].

Research shows that in Anglo-Saxon and Romano-Germanic procedural systems there are no legislative provisions or theoretical judgments on an exhaustive list of types of evidence [12]. For example, Article 427 of the French Code of Criminal Procedure does not limit the use of evidence to that provided for in the code, since the law does not contain an exhaustive or non-exhaustive list of types of evidence. This circumstance is expressly enshrined in Article 81 of the French Code of Criminal Procedure, Part 1 of which states that the investigating judge is authorized by law to take any measures to gather information that he deems necessary to establish the truth. Consequently, the use of new evidence in French criminal proceedings is not, in principle, a problem (e.g., electronically signed documents, computer information, etc.) [7, p. 134].

In Italian criminal proceedings, in addition to the types of evidence specified by law (typical evidence: witness testimony, expert opinion, results of experiments presented for recognition), under certain conditions it is admissible to use means of proof not established by law (atypical evidence). In accordance with Article 189 of the Italian Code of Criminal Procedure, the judge shall allow the use of atypical evidence only if he considers that it is suitable for verifying the facts and does not prejudice the moral freedom of the individual [3, p. 152].

Conclusion

Based on the results of the scientific and practical research, the following conclusions can be drawn:

1. Statutory lists are systems consisting of elements of legal significance and are of two types: closed (*numerus clausus*) and open (*numerus apertus*). A closed list established by law is a system consisting of an exhaustive list of elements of legal significance, which, acting as a symbol of legal prohibition, considers it inadmissible to perform legally significant operations with elements not included in this list. Thus, a closed list in legislation as a legal symbol contains an in direct (implicit) prohibition.

2. A critical analysis of judicial practice shows that the rules of closed lists are not subject to broad interpretation, and attempts by courts to 'expand' a closed list are in fact a form of *contra legem* development of the law, rather than broad interpretation. Thus, courts 'open' closed statutory lists through the development of law *contra legem*, and supplement them through the development of law *extra legem*.

3. Closed lists can be classified according to their location in the elements of legal norms. A closed list contained in a sanction provides an exhaustive list of types of punishment and cannot be supplemented by means of *extra legem* development or 'opened' through *contra legem* development on any grounds. This list can only be changed by the legislator.

[1] In the criminal process of the Republic of Armenia, the results of hypnosis or a lie detector cannot be used as evidence, which is not due to the fact that such type of evidence is not provided for in Part 1 of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia, but because the legislator has prohibited their use (Part 8 of Article 18, Item 6 of Part 3 of Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia). If we assume for a moment that the legislator has changed its approach to obtaini ng evidence through hypnosis and allowed it, then in the event of such a change, there would be no need to provide for a separate type of evidence for data obtained through hypnosis; it would be used either as an expert opinion or as testimony.

4. Анализ законодательства выявил симулякры закрытых перечней, создающих иллюзию исчерпывающего списка. Симулякры закрытых законодательных перечней, относящихся к вопросам макроуровня, создают ложное впечатление, что всевозможные принципы, нормы права или права человека уже перечислены в законе, что, однако, не соответствует реальности, сложности и многогранности права, а только ограничивает правоприменительную практику.

5.Дляформулированияоткрытогоперечняиспользуются два основных способа перечисления: простое перечисление и перечисление конкретизирующего характера (с применением конкретизирующих языковых средств) Перечисления конкретизирующего характера излагаются с применением слов «в частности», «среди прочих», «например», «включая», что указывает на то, что указанные в списке обстоятельства, права и иные элементы являются наиболее очевидными, но не исчерпывающими, что, соответственно, не исключает того, что правоприменитель может выявить и иные, не предусмотренные в перечне элементы и обстоятельства. При этом необходимо отличать открытые перечни от неполных закрытых перечней, в которых не все элементы списка технически содержатся в одной конкретной статье, а могут частично располагаться и в иных статьях.

6. Что касается включения правоприменителями новых элементов в простые и конкретизирующие открытые перечни, то в обоих случаях для этого используется правило толкования *analogia intra legem*, согласно которому в открытый перечень могут быть добавлены элементы, аналогичные элементам, перечисленным в списке.

7. Согласно смыслу максимы *Expressio unius est exclusio alterius*, если закон явно упоминает определенные категории, это подразумевает, что те категории, которые прямо в законе не упомянуты, намеренно исключены законодателем из текста закона. В англо-а мериканской традиции, где данная максима получила наибольшее применение, ее чаще называют *не максимой, а правилом толкования*. Данное правило достаточно часто применяется судами Республики Армения при толковании закрытых законодательных перечней, что обусловлено в том числе заимствованием армянской судебной практикой некоторых черт прецедентного права стран Общего права.

8. Приведенная выше максима состоит в логической и содержательной связи с закрытым перечнем *numerus clausus*, так как оба указанных правовых инструмента применяются для ограничения чрезмерно произвольного толкования текста закона правоприменителями, оба препятствуют необоснованному расширению различных закрытых перечней и списков, которые установлены законом. Так, *expressio unius* подразумевает исключение из правового регулирования тех элементов, которые прямо не упомянуты в тексте закона, а *numerus clausus* изначально вводит в закон исчерпывающий перечень элементов, объектов или прав. При этом *expressio unius* являет собой инструмент интерпретации и анализа юридических текстов, а *numerus clausus* выполняет функцию нормативного ограничения, которое зачастую служит препятствием для создания объектов или новых правовых категорий, не предусмотренных законодателем.

Следует учесть, что порой сугубо механическое применение *expression unius* судами, без учета контекста закона, может привести к ошибочной интерпретации закона и абсурдным результатам, не соответствующим намерениям законодателя.

Библиографический список

1. *Алдошкина А. Д.* Numerus clausus вещных прав: происхождение и обоснование догматической конструкции // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93.

2. *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В., Герденфорс П., Макинсон Д.* «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 380 с.

3. *Барабанов П. К.* Уголовный процесс Италии. М.: Спутник+, 2019. 467 с.

4. *Ефимов В. В.* Лекции истории римского права. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1887. 494 с.

5. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик, 2018. 1028 с.

6. *Лейбо Ю. И., Толстопятенко Г. П., Экштайн К. А.* Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К. А. Экштайна. М.: ЭКОМ, 2000. 447 с.

7. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и государств англо-американской и романо-германской правовых семей: учеб. пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022. 466 с.

8. *Нуссбергер А.* Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57.

9. *Понтович Э. Э.* Философия права.Часть I: Общее учение о праве.Кинешма: Типография Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных Обществ, 1920. 100 с.

10. *Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А.* Проблемы современного уголовно-процессуального

4. An analysis of the legislation has revealed simulacra of closed lists that create the illusion of an exhaustive list. Simulacra of closed statutory lists relating to macro-level issues create the false impression that all possible principles and norms of law or human rights are already listed in the law, which, however, does not correspond to the reality, complexity, and multifaceted nature of law, but only restricts law enforcement practice.

5. Two main methods of listing are used to formulate an open list: simple listing and concretizing listing (using concretizing language means). Concretizing lists are set out using words such as ‘inter alia’, ‘among others’, ‘for example’, ‘including’, which indicate that the circumstances, rights, and other elements listed are most obvious but not exhaustive, which accordingly does not exclude the possibility that law enforcers may identify other circumstances and elements, not included in the list. At the same time, it is necessary to distinguish open lists from incomplete closed lists in which not all elements of the list are technically contained in one specific article, but may be partially located in other articles.

6. As regards the inclusion by law enforcement authorities of new elements in simple and concretizing open lists, in both cases the rule of interpretation *analogia intra legem* is used, according to which elements similar to those listed may be added to the open list.

7. According to the maxim *expressio unius est exclusio alterius*, if the law explicitly mentions certain categories, this implies that the categories not explicitly mentioned in the law are intentionally excluded by the legislator from the text of the law. In the Anglo-American tradition, where this maxim has found its widest application, it is more often referred to as a rule of interpretation rather than a maxim. This rule is quite often applied by the courts of the Republic of Armenia when interpreting closed statutory lists, which is due to, among other things, the adoption by Armenian judicial practice of certain features of the case law of common law countries.

8. The abovementioned is logically and substantively linked to the *numerus clausus* closed list since both legal instruments are used to limit overly arbitrary interpretation of the text of the law by law enforcement officials, and both prevent unjustified expansion of various closed lists established by law. *Expressio unius* implies the exclusion from legal regulation of those elements that are not expressly mentioned in the text of the law, while *numerus clausus* initially introduces into the law an exhaustive list of elements, objects, or rights. At the same time, *expressio unius* is a tool for interpreting and analyzing legal texts, while *numerus clausus* serve as a normative restriction, which often prevents the creation of objects or new legal categories not provided for by the legislator.

It should be borne in mind that sometimes the purely mechanical application of *expressio unius* by courts, without taking into account the context of the law, can lead to misinterpretation of the law and absurd results that do not correspond to the intentions of the legislator.

References

1. Aldoshkina A. D. *Numerus clausus veshchnykh prav: proiskhozhdenie i obosnovanie dogmaticheskoy konstruktsii* [Numerus Clausus of Proprietary Rights: Origin and Justification of the Dogmatic Construction]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2020. Vol. 20. Issue 4. Pp. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93. (In Russ.).

2. Alchourrón C. E., Bulygin E. V., Gärdenfors P., Makinson D. «*Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm* [‘Normative Systems’ and Other Works on Philosophy of Law and Logic of Norms]. St. Petersburg, 2013. 380 p. (In Russ.).

3. Barabanov P. K. *Ugolovnyy protsess Italii* [Criminal Procedure of Italy]. Moscow, 2019. 467 p. (In Russ.).

4. Efimov V. V. *Lektsii istorii rimskogo prava* [Lectures on the History of Roman Law]. St. Petersburg, 1887. 494 p. (In Russ.).

5. *Izbrannye resheniya Federal'nogo Konstitutsionnogo Suda Germanii* [Selected Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany]. Moscow, 2018. 1028 p. (In Russ.).

6. Leybo Yu. I., Tolstopyatenko G. P., Eckstein K. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 2 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «Prava i svobody cheloveka i grazhdanina»* [Scientific and Practical Commentary on Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation ‘Rights and Freedoms of Man and Citizen’]. Moscow, 2000. 447 p. (In Russ.).

7. *Nedopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh semey* [Inadmissibility of Evidence in the Criminal Process of the Russian Federation and States of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Families]: a textbook. Ed. by A. G. Volevodz. Moscow, 2022. 466 p. (In Russ.).

доказательственного права: монография. Пятигорск, 2019. 196 с.

11. *Синицын С. А.* Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–147.

12. *Смирнов А. В.* К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23.

13. *Томин В. Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.

14. *արԻիքնւով* ընդնահու ր տւուսենայթ նխամնիհդիրրենը: սԻՈանմւոնակ եձկրանո: տիԳ.մխ բ Ա.աբմաՂնայր. աևրԵն. Քո իփ Փրինտ, 2024. 492 էջ.

15. *նայրաբմաՂ Ա., Ղազայր նա Ա., դաԹևյսոան Ա.* ինատսայաՀ Հանթւոտեպարյնա ոք նակաե վատադաորոյթւ նւ (երօրդնանթւոնւոյը, կսոբզւնքնըրե, և ոսւբյնտկերըրե): ոատիԳւոսմնւսկանա նռեձակր. իԳ տ բմխ Ա Ղաբմրանայ. նաևրԵ. իՏ նարգՄեձ, 2024. 584 էջ.

16. *Fellmeth A. X., Horwitz M.*Guide to Latin in International Law 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Online Version. URL: https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104 DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001.

17. *Akkermans B.* The Numerus Clausus of Property Rights. Maastricht Faculty of Law Working Paper. 2015. Issue 10. URL: https://ssrn.com/abstract=2693667.

18. *Barrett A. C.* Substantive Canons and Faithful Agency // Boston University Law Review. 2010. Vol. 90. Rev. 109. Pp. 109–181. URL: https: //www.bu.edu/law/journals archive/bulr/documents/barrett.pdf.

19. *Benson T. B.* Rules and Aids to Statutory Construction // The Virginia Law Register 1. 1915. № 7. Pp. 512–14. DOI: 10.2307/1105492.

20. Black's Law Dictionary 4th ed. West Publishing Co., 1968. 1882 p.

21. *Clover A.L.* The Numerus Clausus as a Meta-principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? // Trust Law International. 2024 № 205. Pp. 1–21. URL: https://papers.ssrn.com/sol3 /papers.cfm?abstract_id=4652609 DOI: 10.2139/ssrn.4652609.

22. *Cross F. B.* The Theory and Practice of Statutory Interpretation. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005.

23. *Ghazi M. I.* What are the difference between noscitur a sociis and ejusdem generis? URL: https://www.linkedin.com/pu lse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf

24. *Lenehan E.* Brief Guide to the Influence of Latin on English Law. March 2022. U RL: https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/.

25. *Marseglia C.* La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento. Unitn E-Prints, Novembre 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/47649678_La_conservazione_degli_effetti_negoziali_tra_principi_e_clausole_generali

26. *Oxford English Dictionary,* s.v. «expressio unius (n.)». 2023. July. Online version. URL: https://doi.org/10.1093/OED/6798057030

27. *Paal K.* The numerus clausus Principle and the TypeRestriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude// Juridica International. 2012. Vol. XIX. Pp.32–39

28. *Sarvade S.* Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis // International Journal of Research Publication and Reviews. 2024. Vol 5. № 4. Pp. 8390–8392.

29. *Schmitt C.* Constitutional theory. Durham and London. Duke University Press, 2008. XIX+468 p. DOI: 10.4324/9781315231884.

30. *Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E.* Cases and Materials on Leg islation: Statutes and the Creation of Public Policy (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p.

References

1. Aldoshkina A. D. *Numerus clausus veshchnykh prav: proiskhozhdenie i obosnovanie dogmaticheskoy konstruktsii* [Numerus Clausus of Proprietary Rights: Origin and Justification of the Dogmatic Construction]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2020. Vol. 20. Issue 4. Pp. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93. (In Russ.).

2. Alchourrón C. E., Bulygin E. V., Gärdenfors P., Makinson D. «*Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm* ['Normative Systems' and Other Works on Philosophy of Law and Logic of Norms]. St. Petersburg, 2013. 380 p. (In Russ.).

3. Barabanov P. K. *Ugolovnyy protsess Italii* [Criminal Procedure of Italy]. Moscow, 2019. 467 p. (In Russ.).

4. Efimov V. V. *Lektsii istorii rimskogo prava* [Lectures on the History of Roman Law]. St. Petersburg, 1887. 494 p. (In Russ.).

5. *Izbrannye resheniya Federal'nogo Konstitutsionnogo Suda Germanii* [Selected Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany]. Moscow, 2018. 1028 p. (In Russ.).

8. Nussberger A. *Novye konstitutsionnye prava v Osnovnom zakone Germanii* [New Constitutional Rights in the German Basic Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 2023. Issue 5 (156). Pp. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57. (In Russ.).

9. Pontovich E. E. *Filosofiya prava. Chast 1: Obshchee uchenie o prave* [Philosophy of Law. Part I: General Theory of Law]. Kineshma, 1920. 100 p. (In Russ.).

10. Popov A. P., Popova I. A., Zinchenko I. A. *Problemy sovremennogo ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava* [Problems of Contemporary Criminal Procedural Evidence Law]: a monograph. Pyatigorsk, 2019. 196 p. (In Russ.).

11. Sinitsyn S. A. *Numerus clausus i sub''ektivnye prava: ponyatie, znachenie, vzaimosvyaz'* [Numerus Clausus and Subjective Rights: The Concept, Significance, Interrelations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2014. Vol. 14. Issue 2. Pp. 100–147. (In Russ.).

12. Smirnov A. V. *K voprosu o priznanii dokazatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse: ekzistentsial'nyy printsip* [On Acknowledging Evidence Inadmissible in Criminal Proceedings: The Existential Principle]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* – Criminal Judicial Proceeding. 2024. Issue 3. Pp. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23. (In Russ.).

13. Tomin V. T. *Ugolovnyy protsess: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2009. 376 p. (In Russ.).

14. *Iravunqi yndhanur tesutyan himnakhndirnere* [Issues of the General Theory of Law]: a textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 492 p. (In Arm.).

15. Ghambaryan A., Ghazaryan A., Tadevosyan A. *Hayastani Hanrapetutyan qreakan datavarutyun (orensdrutyune, skzbunknere ev subektnere)* [Criminal Procedure of the Republic of Armenia: Legislation, Principles, and Subjects]: a scientific-educational textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 584 p. (In Arm.).

16. Fellmeth A. X., Horwitz M. *Guide to Latin in International Law*. 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Available at: https://www.oxford reference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104. DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001. (In Eng.).

17. Akkermans B. The Numerus Clausus of Property Rights. *Maastricht Faculty of Law Working Paper.* 2015. Issue 10. Available at: https://ssrn.com/abstract=2693667. (In Eng.).

18. Barrett A. C. Substantive Canons and Faithful Agency. *Boston University Law Review*. 2010. Vol. 90. Pp. 109–181. Available at: https://www.bu.edu/law/journals-archive/bulr/documents/barrett.pdf. (In Eng.).

19. Benson T. B. Rules and Aids to Statutory Construction. *The Virginia Law Register*. 1915. Issue 7. Pp. 512–514. DOI: 10.2307/1105492. (In Eng.).

20. *Black's Law Dictionary.* 4th ed. West Publishing Co, 1968. 1882 p. (In Eng.).

21. Clover A. L. The Numerus Clausus as a Meta-Principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? *Trust Law International*. 2024. Issue 205. Pp. 1–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609. DOI:10.2139/ssrn.4652609. (In Eng.).

22. Cross F. B. *The Theory and Practice of Statutory Interpretation*. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005. (In Eng.).

23. Ghazi M. I. *What Are the Difference between noscitur a sociis and ejusdem generis?* Available at: https://www. linkedin.com/pulse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf. (In Eng.).

24. Lenehan E. *Brief Guide to the Influence of Latin on English Law*. March 2022. Available at: https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/. (In Eng.).

25. Marseglia C. La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento; Unitn E-Prints, 2010. Available at: https://www.researchgate.net/publication/47649-678_La_conservazione_degli_effetti_negozi-ali_tra_prin cipi_e_clausole_generali . (In It.).

26. *Oxford English Dictionary*, 'expressio unius (n.)'. 2023, July. DOI: 10.1093/OED/6798057030. (In Eng.).

27. Paal K. The numerus clausus Principle and the Type Restriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude. *Juridica International.* 2012. Vol. XIX. Pp. 32–39. (In Eng.).

28. Sarvade S. Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis. *International Journal of Research Publication and Reviews.* 2024. Vol. 5. Issue 4. Pp. 8390–8392. (In Eng.).

29. Schmitt C. *Constitutional Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2008. XIX+ 468 p. DOI: 10.4324/9781315231884. (In Eng.).

Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E. *Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy* (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p. (In Eng.)

Библиографический список

1. *Алдошкина А. Д.* Numerus clausus вещных прав: происхождение и обоснование догматической конструкции // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93.

2. *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В., Герденфорс П., Макинсон Д.* «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 380 с.

6. Leybo Yu. I., Tolstopyatenko G. P., Eckstein K. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 2 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «Prava i svobody cheloveka i grazhdanina»* [Scientific and Practical Commentary on Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation 'Rights and Freedoms of Man and Citizen']. Moscow, 2000. 447 p. (In Russ.).

7. *N edopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh semey* [Inadmissibility of Evidence in the Criminal Process of the Russian Federation and States of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Families]: a textbook. Ed. by A GVolevodz. Moscow, 2022. 466 p. (In Russ.).

8. Nussberger A. *Novye konstitutsionnye prava v Osnovnom zakone Germanii* [New Constitutional Rights in the German Basic Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie– Comparative Constitutional Review.* 2023. Issue 5 (156). Pp. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57. (In Russ.).

9. Pontovich E. E. *Filosofiya prava. Chast 1: Obshchee uchenie o prave* [Philosophy of Law. Part I: General Theory of Law]. Kineshma, 1920. 100 p. (In Russ.).

10. Popov A. P., Popova I. A., Zinchenko I. A. *Problemy sovremennogo ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava* [Problems of Contemporary Criminal Procedural Evidence Law]: a monograph. Pyatigorsk, 2019. 196 p. (In Russ.).

11. Sinitsyn S. A. *Numerus clausus i sub''ektivnye prava: ponyatie, znachenie, vzaimosvyaz'* [Numerus Clausus and Subjective Rights: The Concept, Significance, Interrelations]. *Vestnik grazhdanskogo prava–* Civil Law Review. 2014. Vol. 14. Issue 2. Pp. 10 0–147. (In Russ.).

12. Smirnov A. V. *K voprosu o priznanii doka zatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse: ekzistentsial'nyy printsip* [On Acknowledging Evidence Inadmissible in Criminal Proceedings: The Existential Principle]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo–* Criminal Judicial Proceeding. 2024. Issue 3. Pp. 20 23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23. (In Russ.).

13. Tomin V. T.*Ugolovnyy protsess: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2009. 376 p. (In Russ.).

14. *Iravunqi yndhanur tesutyan himnakhndirnere* [Issues of the General Theory of Law]: a textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 492 p. (In Arm.).

15. Ghambaryan A., Ghazaryan A., Tadevosyan A. *Hayastani Hanrapetutyan qreakan datavarutyun (orensdrutyune, skzbunknere ev subektnere)* [Criminal Procedure of the Republic of Armenia: Legislation, Principles, and Subjects]: a scientific-educational textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 584 p. (In Arm.).

16. Fellmeth A. X., Horwitz M. *Guide to Latin in International Law*. 2nd ed. Oxford University Press, 2021 . Available at: https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104. DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001. (In Eng.).

17. Akkermans B. The Numerus Clausus of Property Rights. *Maastricht Faculty of Law Working Paper.* 2015. Issue 10.Available at: https://ssrn.com/abstract=2693667. (In Eng.).

18. Barrett A. C. Substantive Canons and Faithful Agency. *Boston University Law Review.* 2010. Vol. 90. Pp. 109–181. Available at: https://www.bu.edu/law/journals-archive/bulr/documents/barrett.pdf. (In Eng.).

19. Benson T. B. Rules and Aids to Statutory Construction. *The Virginia Law Register* . 1915. Issue 7. Pp. 512–514. DOI: 10.2307/1105492. (In Eng.).

20. *Black's Law Dictionary.* 4th ed . West Publishing Co, 1968. 1882 p. (In Eng.).

21. Clover A. L. The Numerus Clausus as a Meta-Principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight?*Trust Law International*. 2024. Issue 205. Pp. 1– 21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609. DOI:10.2139/ssrn.4652609. (In Eng.).

22. Cross F. B.*The Theory and Practice of Statutory Interpretation*. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248p. DOI: 10.1515/9780804769815-005. (In Eng.).

23. Ghazi M. I. *What Are the Difference between noscitur a sociis and ejusdem generis?* Available at: https://www.linkedin.com/pulse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf. (In Eng.).

24. Lenehan E.*Brief Guide to the Influence of Latin on English Law* March 2022. Available at: https://coniston-associates.co.uk/ what-have-the-romans-ever-done- for-us/. (In Eng.).

25. Marseglia C. La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento; Unitn E-Prints, 2010. Available at: https://www.researchgate.net/publication/47649678_La_conservazione_degli_effetti_negoziali_tra_principi_e_clausole_generali. (In It.).

26. *Oxford English Dictionary*, expressio unius (n.)'. 2 023, July. DOI 10. 10 93 / OED/6798057030. (In Eng.).

27. Paal K. The numerus clausus Principle and the Type Restriction– Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude.*Juridica International.* 2012. Vol. XIX. Pp. 32–39. (In Eng.).

28. Sarvade S. Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis. *International Journal of Research Publication* and *Reviews.* 2024. Vol. 5. Issue 4. Pp. 8390–8392. (In Eng.).

29. Schmitt C. *Constitutional Theory*. Durham and London: Duke UniversityPress, 2008. XIX+ 468 p. DOI: 10.4324/9781315231884. (In Eng.).

30. Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E. *Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy* (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p. (In Eng.).

3. *Барабанов П. К.* Уголовный процесс Италии. М.: Спутник+, 2019. 467 с.

4. *Ефимов В. В.* Лекции истории римского права. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1887. 494 с.

5. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик, 2018. 1028 с.

6. *Лейбо Ю. И., Толстопятенко Г. П., Экштайн К. А.* Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К. А. Экштайна. М.: ЭКОМ, 2000. 447 с.

7. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и государств англо-американской и романо-германской правовых семей: учеб. пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022. 466 с.

8. *Нуссбергер А.* Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57.

9. *Понтович Э. Э.* Философия права. Часть I: Общее учение о праве.Кинешма: Типография Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных Обществ, 1920. 100 с.

10. *Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А*. Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права: монография. Пятигорск, 2019. 196 с.

11. *Синицын С. А.* Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–147.

12. *Смирнов А. В.* К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судо производство. 2024. № 3. С. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23.

13. *Томин В. Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.

14. *ՒԻսիքևուվ* նահդնըը ու տսևոայթն իհմնխանրիդեևրը: սԻՈմևոաննակ ռեձկրան: տիԳ.մխ բ Ա.բմաՂաայրն. աևրեն. ոՔ իփ Փտնիր, 2024. 492 ջէ.

15. *Ղամբարյան Ա., Ղազարյան Ա., Թադևոսյան Ա.* Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարություն (օրենսդրությունը, սկզբունքները, և սուբյեկտները): Գիտաուսումնական ձեռնարկ. Գիտ խմբ Ա Ղամբարյան. Երևան. Տիգրան Մեծ, 2024. 584 էջ.

16. *Fellmeth A. X., Horwitz M.* Guide to Latin in International Law 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Online Version. URL: https://www.oxford reference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104 DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001.

17. *Akkermans B.* The Numerus Clausus of Property Rights. Maastricht Faculty of Law Working Paper. 2015. Issue 10. URL: https://ssrn.com/abstract=2693667.

18. *Barrett A. C.* Substantive Canons and Faithful Agency // Boston University Law Review. 2010. Vol. 90. Rev. 109. Pp. 109–181. URL: https://www.bu.edu/law/journals archive/bulr/documents/barrett.pdf.

19. *Benson T. B.* Rules and Aids to Statutory Construction // The Virginia Law Register 1. 1915. № 7. Pp. 512–14. DOI: 10.2307/1105492.

20. Black's Law Dictionary. 4th ed. West Publishing Co., 1968. 1882 p.

21. *Clover A.L.* The Numerus Clausus as a Meta-principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? // Trust Law International. 2024 № 205. Pp. 1–21. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609 DOI: 10.2139/ssrn.4652609.

22. *Cross F. B.* The Theory and Practice of Statutory Interpretation. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005.

23. *Ghazi M. I.* What are the difference between noscitur a sociis and ejusdem generis? URL: https://www.linkedin.com/pulse/what -difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf

24. *Lenehan E.* Brief Guide to the Influence of Latin on English Law. March 2022. URL: https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/.

25. *Marseglia C.* La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento. Unitn E-Prints, Novembre 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/47649678_La_conservazione_degli_effetti_negoziali_tra_principi_e_clausole_generali

26. *Oxford English Dictionary,* s.v. «expressio unius (n.)». 2023. July. Online version. URL: https://doi.org/10.1093/OED/6798057030

27. *Paal K.* The numerus clausus Principle and the Type Restriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude// Juridica International. 2012. Vol. XIX. Pp.32–39

28. *Sarvade S.* Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis // International Journal of Research Publication and Reviews. 2024. Vol 5. № 4. Pp. 8390–8392.

29. *Schmitt C.* Constitutional theory. Durham and London. Duke University Press, 2008. XIX+468 p. DOI: 10.4324/9781315231884.

30. *Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E.* Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p.

Информация об авторах:

А. С. Гамбарян
Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/S013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765
DOI: 10.21638/spbu14.2021.315
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331
DOI: 10.21638/spbu14.2024.113
DOI: 10.31857/S102694520025195-5
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567
DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24
DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

Л. Г. Даллакян
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-7539-0707
ResearcherID: N-6360-2019

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/s013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.21638/spbu14.2021.418
DOI: 10.17223/15617793/487/22

About the authors:

A. S. Ghambaryan
Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.31857/S013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765
DOI: 10.21638/spbu14.2021.315
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331
DOI: 10.21638/spbu14.2024.113
DOI: 10.31857/S102694520025195-5
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567
DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24
DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

L. G. Dallakyan
Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-7539-0707
ResearcherID: N-6360-2019

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.31857/s013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.21638/spbu14.2021.418
DOI: 10.17223/15617793/487/22

About the authors:

A. S. Ghambaryan
Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.31857/S013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765
DOI: 10.21638/spbu14.2021.315
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331
DOI: 10.21638/spbu14.2024.113
DOI: 10.31857/S102694520025195-5
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567
DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24
DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

L. G. Dallakyan
Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-7539-0707
ResearcherID: N-6360-2019

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.31857/s013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.21638/spbu14.2021.418
DOI: 10.17223/15617793/487/22

Информация об авторах:

А. С. Гамбарян
Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/S013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765
DOI: 10.21638/spbu14.2021.315
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331
DOI: 10.21638/spbu14.2024.113
DOI: 10.31857/S102694520025195-5
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567
DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24
DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

Л. Г. Даллакян
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-7539-0707
ResearcherID: N-6360-2019

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/s013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.21638/spbu14.2021.418
DOI: 10.17223/15617793/487/22